

От автора
«Акушер-
Ха!»

Татьяна
Соломатина

Естественное
убийство

НЕВИНОВНЫЕ

Естественное убийство

Татьяна Соломатина

**Естественное
убийство. Невинновные**

«Автор»

2012

Соломатина Т. Ю.

Естественное убийство. Невинные / Т. Ю. Соломатина —
«Автор», 2012 — (Естественное убийство)

Прекрасным субботним утром судмедэксперт Всеволод Северный мечтал лишь о стакане хорошего виски в компании бессмертных «Мёртвых душ»... Но вместо спокойного уикенда Северный получает труп дочери олигарха в ванне особняка, новорождённого в коробке из-под обуви, причитания Риты Бензопилы, слишком красивую Алёну Дмитриевну Соловецкую и безумных детишек друга в довесок. Он всего лишь хотел почитать, а вынужден половником хлебать прямо из жизни глупость и трусость, хитрость и жадность, расчётливость и безрассудство, любовь и ненависть. Всё то, что отличает венец творения – homo sapiens – от животных. Может быть, прав безумец Руссо? И все айда назад, к природе? Но увы... Утопии жизнеспособны только в головах ещё живых тел. А жизнь, хоть весьма привлекательная и забавная штука, всё же куда более жестокая, чем смерть. Не будь он Всеволод Алексеевич Северный, признанный в танатологии авторитет! Так что это не последнее навязанное Северному расследование.

© Соломатина Т. Ю., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	19
Глава четвёртая	22
Глава пятая	29
Глава шестая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Татьяна Юрьевна Соломатина

Естественное убийство. НЕВИНОВНЫЕ

Глава первая

– Всеволод Алексеевич?

– Да.

– Нужна ваша помощь!

Чёрт, ну почему он не отключил эту бесовскую погремушку?! И что за дурацкая привычка – отвечать на все звонки, даже если входящий неизвестен?! Любопытство? Вряд ли. В пятьдесят лет, да при его профессии... Какое, к дьяволу, любопытство?! Стёрлось уже всё, истрепалось, вслед за способностью удивляться. Заработок? Деньги лишними не бывают, кто бы спорил. Ну да он уже достаточно обеспечен, чтобы позволить себе хотя бы два выходных провести на даче, лёжа в гамаке в компании бессмертного Гоголя. Никаких женщин, никаких дел... Ну какого чёрта он не отключил телефон? Рефлекс, мать его! Десятилетиями выработанный дисциплинарный рефлекс, мать-мать-мать!.. Да, кстати, мать неплохо бы навестить. Суббота так хорошо началась, что Всеволод Алексеевич о том, чтобы навестить разлюбленную Маргариту Пименовну (по прозвищу Рита Бензопила), ни разу и не подумал! Вернее – подумал, совсем не думать о Рите сыну не удавалось. Но твёрдо решил именно сегодня к ней не заезжать. Хотя у них было принято. Нет! В воскресенье. Или – ещё лучше – в понедельник. Понедельник всегда день тяжёлый, так что завершить его нанесением визита Рите Бензопиле было бы самое оно. Старуха стала окончательно невыносима с тех пор, как умер отец, но если не заезжать к ней хотя бы три раза в неделю, изведёт неотложными нуждами «старой и больной» женщины. То ей выпивать одной религия не позволяет, то какой-то омолаживающий на четверть века крем необходимо срочно подвезти, то у неё на хлеб денег не осталось из-за покупки жизненно необходимой ей триста сороковой сумки под двести тридцать вторые туфли. Совершенно непонятно, зачем ей деньги на хлеб, если она его лет двадцать как не ест? У других матери как матери – уже с правнуками возятся... Но вот об этом лучше старухе ни слова! Иначе: «У всех всё как у людей, только ты – старый бобыль! Ни жены, ни детей...» Если он старый бобыль, то почему её нельзя называть старухой? Сама как с добрым утром: «старая и больная», но если он пусть даже в шутку под рюмку скажет «старуха», что тут начинается!.. Нет, ну какого чёрта он не выключил мобильный?! Никогда не стройте планов! Особенно на такой коварный день, как суббота. Лишнее свидетельство в пользу того, что бога нет. Будь он на самом деле, разве позволил бы портить субботу, им же самим и созданную для бездумного созерцания? Не бойтесь воды, высоты и понедельников. Бойтесь не чтящих субботу!

– Всеволод Алексеевич! – напомнили о себе из телефона. – Нужна ваша помощь! Номер нам дал Семён Петрович... Мы сможем подъехать за вами в течение полчаса.

Кому «нам»? Ну да если Семён Петрович – Сеня, – значит, помощь действительно нужна. Он парень умный и серьёзный, не смотри, что заводной и заполошный (хотя – это лучшее, что может дарить молодость). Но очень уж по-армейски прозвучало это «нам», тут не до шуток. Ему, Всеволоду Алексеевичу Северному, отлично известна такая публика. И эта известная публика в определённых ситуациях с места в карьер лишается чувства юмора, не говоря уже о чувстве священности субботы. Так что тут не отшутиться и на выходные не сошлешься. Всеволод Алексеевич мысленно попрощался с дачным гамаком, «Мёртвыми душами» и прекрасным виски. А трубке сказал лишь:

– Я на машине. Сэкономим время. Диктуйте...

Записывать не стал, у него отличная память. Тем более, названа была громкая фамилия. Живописный адрес. Они все там гнездятся. Он завёл «Дефендер». Эх, такие выходные обломали! А ведь так хорошо начиналось утро...

Утро одинокого, немолодого уже мужчины. Высокого, стройного, в отличной физической форме, красивого, умного, немолодого уже мужчины. С профессией холодной и отчасти трагической. Некогда идеально пришедшейся ко двору его складу ума и особенностям характера. Хотя маменька видела Севу только и только хирургом, а отец так и не простил, что сын этим самым хирургом не стал. А стал тем, кем и был сейчас, – одиноким, немолодым уже судебно-медицинским экспертом. Высоким, стройным, в отличной физической форме, красивым мужчиной, с привычками не столь экстравагантными, сколь выдержанными, а следовательно – качественными. Мужчиной, свою внешнюю привлекательность и импозантность осознающим и при необходимости умело использующим, но не злоупотребляющим. Мужчиной, нежно любящим своё трудолюбивое, вкусное, наполненное содержанием одиночество. Особенно по субботам, когда одиночество отвечает взаимностью.

Выспался на пять с плюсом. Пробежался. Принял душ. Позавтракал. Для одинокого мужчины завтрак выходного дня – понятие сакральное. И если одинокий мужчина уже не так чтобы юн, то этот незамысловатый и частенько суматошный для самцов подвида «окольцованный» утренний приём пищи обрастает ритуалами, как остов затонувшего парусника – ракушками. Что понимают женатики в завтраке?! Им бы газетой-журналом (или – в нынешней модификации – Интернетом) от своих многочисленных домочадцев прикрыться. От них самих, от их просьб и понуканий, от гомона детей и внуков, от вечно недовольного голоса и заведомо-осуждающего взгляда супруги. Этим «счастливчикам» и затаиться-то негде, кроме как в туалете. И то только в том случае, если туалет не в квартире, а в собственном доме. За бронированной дверью. Вон, недавно приятель, тот самый Сеня, любящий отец четверых деток, проект архитектору заказал. Спальня хозяйская, спальня гостевая, каждому отпрыску – по отдельной комнате, а себе – отдельный флигель. Прихожая, кабинет, спальня, санузел. За бронированной дверью. Кроме шуток, так и наказал: «Здоровенный дом, чтобы каждой твари и гостям место. Санузлов штуки четыре зае... запроектируй. Надоело в очереди толкаться! А мне в самом дальнем крыле – отдельную квартиру. За бронированной дверью! Туалет мне там размером с кабинет, с книжными полками, с журнальным столиком, с розетками под телефоны-телевизоры и прочие спутники, чтобы законно несколько пепельниц, доступных с любого места. И бар. Да-да, прямо в моём отдельном санузле моей отдельной квартиры в этом бардаке! Всё равно бардак получится, я-то знаю. И камеру наблюдения, чтобы видеть, когда любимые жена и детки ко мне подкрадываются, козлищи!!! И в самом санузле чтобы дверь бронированная! Тоже!» Архитектор заказчика жалел, обещал всё исполнить в лучшем виде и просил его не нервничать. Но как Сеня может не нервничать, если к нему уже сейчас, в пусть не маленькую, но всего лишь квартиру, каждую субботу приезжают то тёща, то собственная мамаша с визитами вежливости, чтоб их! И не просто приезжают, а остаются ночевать! А если не приезжают, то жена начинает ныть: «Давай уже, просыпайся, завтракай, к маме поедем!..»

Не-не, Северному такое счастье не сдалось. Ни в целом, ни в частностях архитектурно-пространственных решений. Свою квартиру в «престижном элитном комплексе» – что на месте одной из недавних деревень – он всю под себя перекроил так, что дверей и самых обыкновенных-то почти нет, не считая входной. Он бы и в санузел дверь снёс, да бывающие здесь дамочки креативность могут не оценить. И друзья-приятели с жёнами. Точнее – жёны друзей-приятелей. А совсем уж без дамочек и друзей-приятелей как-то... Хотя, если подумать!..

Квартиру Северного – стометровую, на последнем этаже, с видом на Гребной канал – те самые дамочки называли «студией». Это его жутко бесило, но виду он не подавал. «Студия» – это рабочее помещение с походной койкой и такой же мойкой-плитой в задрипанном

углу. Затворился скульптор, записался художник – наскоро слопал бутерброд, «чернилами» или беленькой запил – и в раскладушку кинулся. «Студия» равно «мастерская». Во всяком случае, для Северного. Что там эти модные девицы имели в виду – он не понимал. Потому что работу на дом не брал. Судебно-медицинские эксперты в мастерских и студиях не работают. Случись такое – дамочки первые не одобряют. Не говоря уже о психиатрах. Так что квартира Северного была местом обитания одинокого сибарита. Рай для отдохновения. Никаких «студий» или «мастерских». Но второе слово ассоциируется у дамочек в лучшем случае с учительницей по труду, а первое – вызывает просто физический трепет и добавляет владельцу «сту-у-удии» двадцать баллов к опции «сексуальная привлекательность». Кому не хватает – может, и на руку. А Северного раздражало. Поэтому юных фей, желающих постичь глубину психоанализа от шикарного мужского образчика, Всеволод Алексеевич без тени улыбки приглашал в однокомнатную «хрущобу» на первом этаже в Кузьминках. Меркантильные, допив свой капучино с привкусом несправедливого мироустройства, исчезали. Подвлюбившиеся – принимали как должное. И гипотетические Кузьминки. И фактическую Рублёвку. Приоткрывавшую за входной дверью лишённое перегородок большое помещение, бар на любой вкус и весьма обнадёживающий секс.

Пол добротный, паркетный. Дубовый. Рисунок с подбором. Посреди – ковёр, удобный диван, пара кресел и пуфики. По периметру – окна и книжные полки. Вся кухня – вокруг единственной колонны, которую не дали снести – сказали: «Сева, это же монолит! А ты хочешь последнюю, ёпть, несущую конструкцию подпилить!» Ну и ладно. Пусть себе несёт. Когда что-то на что-то опирается – это не может не радовать. О людях такое не часто скажешь. Поверху кухонной зоны никаких полок. Холодильник с морозилкой – и те внизу порознь. Только разглядев плиту и мойку, умело не афиширующих себя, и можно было догадаться, что это – кухня. Стол скорее напоминал письменный, разве что без ящиков. Задрапированная гардина скрывала балкон. А лоджия как раз вся открыта. Стекло и пустота. Видовая территория, так сказать. Или созерцательная. По настроению. На лоджии – удобное кресло-лежанка, лампа, столик для кофе и пепельницы.

Кровать в нише – спальня. Гардеробная встроена. Санузел – сегментом в углу. Девять метров стены – книжный стеллаж от пола до потолка. Любимая библиотека. И пространство, пространство, пространство. С любой точки. В любом направлении. Семейные такого не любят. Духа не хватает. Оправдываются, конечно, не этим. Но размах – удел одиночек. А у прочих в малогабаритных денниках должны учить уроки неразумные отпрыски и в чуть больших вольерах – изредка совокупляться их владельцы. Хотя как можно совокупляться, когда кто-то тут же, за иллюзорной, практически условной стенкой, учит какую-нибудь химию?! Или вообще ещё в куклы или машинки играет. Переиначенный большевиками на лукавый манер принцип «Разделяй и властвуй» уместил сознание граждан в необходимую и достаточную ячейку, а их быт – в квадратно-перегородочную схему. Так и привыкли: чем уже личное пространство – тем более оно кажется личным. Иллюзия. Но сработало. И до сих пор работает.

В обстановке же квартиры Всеволода Алексеевича Северного чувствовался изысканный вкус и ненависть к квадратно-гнездовому проживанию. Он был одиночкой. Такие встречаются чаще, чем принято полагать. Просто далеко не все могут позволить себе такую роскошь – самостоятельное проживание в полном, законченном комфорте действительно личного пространства. Где-то там, подальше – все они: родные и близкие, любимые и случайные, друзья-приятели с жёнами и без. А здесь – только я. И пусть весь мир удавится вместе со всем своим сильно семейным и прочим совместно-стадным счастьем!

Северный своего молодого приятеля, мечтающего о бронированной двери в санузел, изредка вытаскивает то в теннис поиграть, то в сауну попариться:

– Ну что, друг, ты счастлив?

– По-настоящему счастливы бывают только слабоумные и безнадёжные. И я, значит, тоже! – постоянно отвечает Всеволоду Алексеевичу его очень не по годам семейный и, видимо, по тем же меркам мудрый приятель. И вздыхает.

В гробу видал Северный такое «семейное счастье». Он только в том самом блаженном одиночестве прекрасно себя чувствует. Женским вниманием не обделён – только моргни, любого фасона молодухи накидываются. Бывало, соринка в глаз попадёт – так и моргнуть боязно. Не отобьёшься потом. Ну, такова она, особенность нормальной физиологии органа зрения: глазное яблоко двигается в глазнице; слёзная жидкость увлажняет и смазывает склеру, облегчая это движение; когда веко моргает – в интервале от двух до десяти секунд, – слёзная жидкость распространяется по всему глазному яблоку. Большая часть женщин даже этот, мягко сказать, неромантичный процесс воспринимает как любовную прелюдию. Да ладно там физиология органа зрения! Это ещё цветочки. Недавно вот сидел за барной стойкой далеко не пафосного кабака, никого не трогал, минералку попивал, телевизор смотрел и не моргал ни разу. Тут к нему подходит блондинка неземной красоты лет на тридцать его моложе. Мол, огонёк не найдётся? Классика. Прямо таёжная заимка и усталая путница, а не барная стойка и очередное дитя мегаполиса, воспитанное квадратными километрами глянцевых страниц. Ну, нашёл он блондинке «огонёк», чего уж там на ровном месте философию разводить. Далее по плану. Та, разумеется, нет чтобы отойти, скромно поблагодарив и потупив густо унавоженные очи, водрузилась на соседний табурет и давай Северному отдых портить. Де, и скучно ей, и грустно...

– Кстати, как вас зовут?

– Всеволод Алексеевич.

И, заметьте, он не спросил, как зовут блондинку! Так она дематериализовалась? Держи карман шире!

– Ах, расскажите мне, Всеволод Алексеевич, что-нибудь интересное!

Джентльмен он или где? Заказал ей рюмку мятного ликёра, потому что детям виски с утра наливать бесполезно, и рассказал. С интересом рассказал про то, что существуют два хорошо охарактеризованных пути апоптоза: с участием рецепторов клеточной гибели – внешний путь, и с участием митохондрий – собственный путь. И что апоптоз индуцируется связыванием специфических лигандов из группы TNF со своими рецепторами – рецепторами клеточной гибели. Обычно после таких «интересных» рассказов мухи дохнут. Причём прямо в том мятном ликёре. Но кто же знал, что юная блондиночка – студентка биофака МГУ. Пришлось быть джентльменом до конца – провести с ней всё утро, весь день и даже всю ночь. Хотя в планы Всеволода Алексеевича не входило уестествление этого полевого цветка мироздания. В баре он ждал букиниста. Что, впрочем, не помешало. И Северный отчалил в своё идеальное холостяцкое гнездо не только с биологически подкованной студенткой, но и с четырнадцатью томами полного собрания метаний Николая Васильевича Гоголя, созданного асами препарирования словесности, 1940–1952 гг. издания. Метаний Гоголя в достижении недостижимого в сочинительстве – совершенства.

Впрочем, оно было хорошо, это биологически подкованное существо. Особенно умытое. Хотя, как обычно все они, нарушила гармонию. С каким омерзением он отмывал от лохани для омовений полоску, оставленную пеной. С каким отвращением выбрасывал её помаду, забытую ненароком на полочке в ванной комнате. Все они, что ли, страдают этим «ненароком»? У семейных, поди, бабы ещё и прокладки разбрасывают где ни попадя? И что, так трудно, поплескавшись в ванне, смыть за собой? Или эти создания под названием «женщины» полагают, что «забытая» помада – это метка? Простите, дамы, это территория самца, отрицающего брачные игры. А «пенная» кайма – это вообще... Эпидермис, кожное сало, щетинистые и пушковые волосы. О нет! Никакой профессиональной деформации! Сплошная констатация фак-

тов... Почему он должен смывать чужое кожное сало, сторонний эпидермис, не говоря уже о щетинистых волосах, со своей ванны?..

Ну да бог с ней, этой девицей. И с ними – все они одинаковые! Сегодня – без никаких! У Северного суббота. Размеренный завтрак – и на дачу. С Гоголем. Совершенство требует самоотречения. Можно даже сказать – радостного, первобытного самоотречения. Так что – сперва кофе с сигареткой на лоджии. Насыпать щедро в турку. Турку слегка прогреть. Налить холодной воды. Размешать. Дать подняться. Снять. Дать подняться. Снять. Дать подняться. Снять. Чайную ложку мёда и полдольки чеснока. Настоять две минуты. Вынуть чесночину, налить в фарфоровую чашечку, поставить на деревянный поднос «под Прованс» – и немедленно выйти на балкон. Там на столике прописана пепельница, и никто её оттуда не выживет с воплями: «Не кури на балконе! Закрой окно! Открой окно! Тут же дети! Как ты не понимаешь...» А тут и понимать нечего. Собрать всех детей в кучу, сверху на них – пепельницу размером с ванну, и курить, курить до посинения... Так что с кофе можно выкурить не одну, а две сигаретки, свысока посматривая на город, полный «некурящих» детишек, их «ненароком» попивающих мамашек и плаксивых «глав семейств». Хорошо жить на последнем этаже! Хорошо быть холостым и бездетным! Хорошо делать только то, что тебе по душе. И только тогда, когда тебе этого хочется! Его молодой приятель пьёт наспех залитый кипятком порошковый суррогат, так же наспех давясь никотином на лестничной клетке. Не-не-не, Всеволод Алексеевич может курить где угодно в своей собственной просторной квартире, где всё на своих местах и никакой неразумный щенок не потянется своей шкодливой грязной ладошкой к многочисленным редким книгам из кропотливо собираемой десятилетиями библиотеки. Ни к каким редкостям, ценностям и просто памятным безделицам. Никто не запачкает твою льняную рубашку цвета топлёного молока и не наступит грязной сандалией на нежнейшей выделки телячьей кожи мокасины. И никому в голову не придёт использовать твои запонки, например, вместо глаз у пластилинового снеговика. Старшая дочурка приятеля как-то попыталась запонку Всеволода Алексеевича просто-напросто проглотить. Причём вместе с манжетой. Всего слюнями вымазала, брр!!! Слизью, лизоцимом и птиалином. Хорошая девочка! Отличная даже. Когда далеко. Хорошо, сейчас уже подросла и обожает «дядю Севу» большей частью на достаточном расстоянии, не входя в непосредственный телесный контакт. И больше не слюнявит и не пытается отобедать предметами его туалета.

После медитативного балконного кофе с сигаретой – вернуться на кухню, соорудить пару бутербродов из белого хлеба, сливочного масла и малосольной форели. С ржаными сухариками форель пусть едят те, для кого фигура – это жизнь впроголодь. Для Северного фигура – это жизнь с нагрузками. И нехай молодые приятели – те, что с четырьмя детьми и на десять с лишком лет моложе, – завистливо уточняют за теннисом:

– Сева, ну как это тебе удаётся?!

– Пять раз в неделю – утренняя пробежка пять километров. Три раза в неделю спортзал. Раз в неделю теннис и сауна. Раз в неделю, понимаешь? Не три раза в год сделать на корте вид, что у тебя тоже есть шорты и ракетка, как у всех, а раз в неделю именно теннис. После тех трёх раз – в неделю! – когда спортзал. И после пяти ежеутренних пробежек по пять километров. А потом жри свои любимые пельмени вёдрами. Тебе расписать индивидуальную программу?

Всеволод Алексеевич пельмени не любил. Пельмени любил его молодой многодетный приятель, который всё собирался пойти в спортзал. Но не шёл и потому уже обзавёлся выдающимся круглым животом, как будто четыре раза рожала не его жена, а он сам. Жена же как раз была если не в отличной, то, как минимум – в хорошей форме. Живот у неё был меньше, чем у мужа, а одышки не было вовсе. Молодой же приятель Всеволода Алексеевича после пары сетов выглядел не очень молодым и совершенно точно – не здоровым: красный, потный, задыхается, глаза безумные, волосы во все стороны торчат. Северный же пружинисто прыгал, излучая бодрость и готовность, вроде как ещё и игру-то не начинал. Об азарте и речи не шло –

игра с молодым другом была скорее актом благотворительности. Толерантность в отношении альтернативно-гармоничных личностей.

– Ты с полгодика в настольный хоккей в доме престарелых поиграл бы для начала! – подначивал его Всеволод Алексеевич.

– Я-то... в доме... престарелых... ЫХ! – задыхаясь, язвил друг-приятель. – Никогда... не окажусь! ЫХ!.. У меня дети... А вот ты!..

Так вот, оказывается, для чего люди заводят детей! Ну да, если вспомнить, для чего он нужен Рите Бензопиле... Спиртного подвезти по требованию да закуски покошерней. Зудёж послушать. Может, сдать Риту в дом престарелых «побогаче»? Там людно, мозги можно медсёстрам компостировать. Правда, зачем Рите медсёстры? Она здорова как бык.

Так, ну к чёрту семейных, дамочек, Риту и далее по списку. Сегодня суббота! День, чтобы святить!.. В том числе – трапезу!

Белый хлеб, сливочное масло, слабосолёная форель, греческие маслины, пара ломтиков брынзы, розовощёкий красавец помидор, ароматный базилик – и достаточно. Допить кофе с ещё одной сигареткой. Финал, завершающий субботний размеренный завтрак. Кофе с сигареткой прямо здесь, на кухне. И никакая мелюзга под ногами не крутится, требуя коктейль с бананом. И никакая «жена и мама» не прогнусавит: «Сева, не кури на кухне! Сева, ты что, не видишь, что у меня в руках блендер? Сева, вытри Грише сопли и дай Даше её зайца!» Нет-нет, только покой и умиротворение кофе и сигареты. Тарелку с чашкой вымыть, одеться – и в путь! Ему не сложно вымыть за собой тарелку с чашкой, так что совершенно непонятно, зачем мужчины женятся? Чтобы вытирать сопли, подавать зайцев и делать вид, что тёща – тоже человек? Некоторые говорят, что заключают браки по любви. Надо бы как-то уточнить у молодого приятеля, по любви ли он женился и по любви ли четырьмя детьми обзавёлся. По любви, по любви... Северный сам к этой любви руку приложил в нужном месте в нужное время. И хотя всё было достаточно грубо и очевидно, но молодой друг искренне уверовал, что сам пришёл к этой очевидности. А как иначе? Хорошие дамочки – большой дефицит. Такие экземпляры, как его молодой дружище, – тоже. Отчего бы и не ощутить себя создателем, если в данной конкретной точке вселенной все исходные данные к созданию же и подталкивают? Ну, пусть не создателем – главным технологом вполне пока, тьфу-тьфу-тьфу, успешного «Family Engineering». Это потом думают, что они сами себе технологи. Никакой благодарности не испытывают, все не ими придуманные правила за свои собственные выдают. Это потом.

– Я понял, Северный! – орал друг после рождения первенца. – Я понял! Для тебя любовь – это бог! А для меня любовь – это план!

Какой, к чертям, бог для судмедэксперта? Тот, что ли, который «есть любовь»? Насмотрелся он на кадавров, умерщвлённых по сильно большой любви. Из ревности, по пьянке или потому что любимая жена картошку сажать не хотела. Ага, и такое было. Муж с женой выехали по весне на свои шесть соток. Приняли национального русского напитка для огороднического вдохновения и... И тут она не захотела картошку сажать, курва такая! Слово за слово – всё о любви, поди, были слова-то... И привет – муж её ножичком и потыкал в разные жизненно важные органы типа сердца, лёгких и печени. И, там, «по мелочи» – кишечник, селезёнка... Куда же без них, без «мелочей», при проникающем ножевом в брюшную полость? Слегка протрезвев, фигурант вспомнил, что любит жену. Вызвал «Скорую». В больнице сильно любимая жена померла. А труп – уже к ним, в судебку. Криминальный потому что. Муж на суде очень плакал. Раскаивался, что сильно любимую жену холодным оружием умертвил. «Как такое вышло, сам не пойму! Не, ну а чего она?.. Ненамеренно я! По неосторожности!» Грамотный, сукин сын.

Хотя, да. Прав молодой друг. Всеволод Алексеевич верил в любовь. Примерно так же, как верил он в бога, зелёных человечков и вселенский разум. То есть существование подобного допускал. Но если, как фибрин плетёт свою сеть вокруг захваченных эритроцитов, Всеволод Алексеевич видел, пусть даже и через электронный микроскоп, то бога, зелёных человеч-

ков, вселенский разум он не наблюдал даже через самый мощный телескоп. Хотя, разумеется, будучи мужчиной весьма неглупым и очень хорошо образованным, понимал, что если человек пока чего-то не *открыл*, то это вовсе не значит, что этого «чего-то» не существует. Существует, существует, будьте покойны! Существует – открыли мы это или оно ещё для нас закрыто. Так что Всеволод Алексеевич верил. Спокойно верил в то, что «проживёшь подольше – увидишь побольше». А вот когда увидишь, тогда и разговор конкретный будет. И за любовь в том числе.

Вот полное собрание сочинений Гоголя – это да! Это пусть не любовь, но вполне себе страсть, и уж куда более сильная, чем к блондинкам, брюнеткам, шатенкам и рыжим самых разнообразных фасонов и возрастов. Как там букинист-добытчик сказал: «Отличный выбор. И состояние прекрасное – все пятьдесят с лишним лет книги просто стояли на полке. Причём – на одной и той же. И, судя по всему, никто их ни разу так и не открыл. А ведь именно это собрание незаменимо для любителей Гоголя! Оно считается академическим, выходило в течение более десяти лет и стало первым наиболее полным сводом художественных текстов и писем Николая Васильевича. Ни прижизненные собрания, ни первые посмертные не были и не могли быть настолько полными, как это. Тексты для этого собрания очень скрупулёзно готовились текстологами, стремившимися восстановить подлинные гоголевские строки. Подобная “реставрация” – всегда сложная, тончайшая работа. В случае же с Гоголем – особенно. Известно, что он и другим советовал, и сам много раз переделывал черновики, и не бросал работы, даже если произведение уже увидело свет, не успокаивался, пока не достигнута гармония. А иллюстрации?! А факсимиле рукописных страниц?! Но это всё ерунда по сравнению с тем, что готовилось это издание с 1937 года, пережило войну, и редакторов-корректоров и прочих специалистов регулярно отстреливали и те и эти, и красные и чёрные. Но несмотря на это... Раритет, Сева, как есть – раритет!»

А то Северный сам этого не знал! Иначе чего бы он заказывал старому пройдохе именно это издание, включавшее даже «Ганса Кюхельгартена»? Статьи, словари, вклейки... Так что не надо цены набивать сверх прежде оговорённых. Впрочем, старый пройдоха-букинист любил своё дело и продавал книги только в хорошие руки, частенько выручая из рук плохих или ослабевших. И о дальнейшей судьбе иных раритетных изданий беспокоился. В должных ли условиях проживают? Не тесно ли им на полке? Не влажно ли им в нездоровой атмосфере? Ни дать ни взять – добрый дядюшка-опекун.

Суббота. Дача. Гамак. Никаких блондинок. Никаких друзей-приятелей, их жён и детей. Никакой Риты Бензопилы. Блаженное дачное одиночество и том Гоголя – с любимыми «Мёртвыми душами», бутылка односолодового виски. Вечером – камин и всё тот же Гоголь всё с тем же виски. Круговорот классики в отдельно взятой человеческой природе.

«В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка, в какой ездят холостяки: отставные подполковники, штабс-капитаны, помещики, имеющие около сотни душ крестьян, – словом, все те, которых называют господами средней руки...»

Всеволод Алексеевич выехал на проспект и сосредоточился. То есть перестал думать о гамаке, Гоголе, виски, великом и могучем русском языке, любви – и вообще перестал думать. Просто двигался в нужном направлении.

Глава вторая

Вскоре Северный был на месте. Без проблем проехал шлагбаум. Ворота предупредительно распахнулись метров за пятьдесят. «Интересно, автоматика или обученный “номер” на кнопке перед видеомонитором?» – мелькнула мысль. В любом случае его ждали. К машине тут же подскочил форматный парень – охранник из бывших кадровых, хоть и, разумеется, по гражданке. Показалось даже, что еле сдержался, чтобы не козырнуть. Дисциплинарные рефлексy хоть и условные, но въедливые.

– Всеволод Алексеевич? Прошу. Вас ждут.

Они прошли по ухоженной дорожке, петлявшей среди ровно подстриженных газонов, поднялись по лестнице на каменную террасу, обнесённую вычурной ковкой под «райские яблочки», и сквозь большие стеклянные двери вошли в просторный холл, на удивление – для иных богатых – со вкусом обставленный. К тому же – никаких росписей на стенах, никаких зарослей из пальм. Всё стильно и неброско. И очень дорого. На бежевом кожаном диване сидел заплаканный молодой мужчина. Смазливый, но из серии «никакой». В мужчине только внешняя привлекательность редко бывает достаточной. Необходимо что-то ещё. Интеллект. Характер. Личность. Желательно – три в одном. Тогда никакая красота не помешает. Что правда, триединству «Интеллект. Характер. Личность» никакая внешняя непривлекательность не повредит. Для мужчин фенотип куда менее самоценен, чем для женщин.

«Смазливая рохля», как про себя сразу же окрестил Всеволод Алексеевич молодого человека, всё ещё периодически всхлипывал. У распахнутого окна, спиной к входной двери, стоял другой – седой и покрепче. Охранник подошёл именно к нему и тихо, но чётко отработовал:

– Леонид Николаевич, господин Северный прибыл.

Стоявший у окна развернулся и... Перед Северным предстал сильный пожилой мужчина, как будто только справившийся с предательской мимикой. Такие мужские лица – несущие на себе неявные для прочих, но очевидные для опытного глаза следы волевого овладения собой, – куда страшнее ликов истерики и гримас слёз. Вот он, истинный потерпевший, если применим этот протокольный термин к страданию. Вовсе не диванная плакса, а именно этот человечество с углублёнными морщинами на лбу, с оконтуренными складками носогубного треугольника, со скатившимися со скул желваками. Северный мог поспорить на свою профессиональную репутацию, что несколько часов назад этот человек выглядел иначе. Но что-то царапнуло, какой-то неуловимый диссонанс. Хотя, навидавшись за свою долгую профессиональную жизнь ликов скорби, горя и беды, Всеволод Алексеевич уже ничему не удивлялся. Иных именно спасательный круг злобы выручает от гибели в бездне отчаяния. Сложные экспертизы, в коих господин Северный спец, не выносят преждевременных выводов, а также симпатий и антипатий. Только факты. Итак, есть рыдающая смазливая рохля помоложе, есть удручённый злой сильный мужик постарше и, значит, где-то тут есть дорогое им обоим тело. Если бы в теле всё ещё была душа, то вместо судмедэксперта тут была бы «Скорая». Это и есть первый смысл прочитанной мизансцены. Самый правильный. Хотя и поверхностный.

– Здравствуйте, Всеволод Алексеевич. Я – Корсаков. Леонид Николаевич. Около часа назад мой зять обнаружил... – Голос чуть дрогнул, но тут же выровнялся и окреп. – Около часа назад мой зять обнаружил труп моей дочери. В ванной комнате её спальни. Он позвонил мне. Мои люди связались с вами. Мы хотим, чтобы вы осмотрели место... – Леонид Николаевич запнулся, – ...место, где всё произошло, раньше милиции. Прошу прощения, что побеспокоил вас в выходной, но, как вы понимаете, дело не терпит отлагательств.

– Разумеется, – коротко ответил Северный.

Молодой парень на диване громко рыдался.

– Прекрати истерику! – припечатал Корсаков.

Тот немедленно заткнулся.

– Саша, проводи Всеволода Алексеевича, – спокойно сказал он охраннику, встретившему Северного, и снова повернулся к окну.

Охранник жестом пригласил судмедэксперта следовать за ним на второй этаж.

– Это спальня хозяйки, – Саша открыл дверь. – Справа – гардеробная, налево – ванная комната. Я вам нужен?

– Вы не хотите заходить в ванную комнату, Саша? – уточнил Всеволод Алексеевич.

– Если честно, то не очень. Я там уже был, но если я вам нужен...

– Нужны, Саша. Мне нужна информация. Но вы можете оставаться в комнате.

Спальня была просторная. Совершенно женская, если не сказать «девчачья». Розовые занавеси, бледно-розовый толстый ковёр, покрывало на кровати цвета, что называется, «варёного мяса», светильники-бабочки, обои – ожившая мечта куклы Барби, вышедшей замуж за разбогатевшего в колониях сквайра: эдакий микст из мелких розочек и тускло отсвечивающих хаотично-геометрических линий на фоне цвета ядовитых пионов. Дорогущая итальянская «потёртая» мебель совершенно неменяемого, на вкус Северного, колеру. Наверняка обозначенного в каталоге как-нибудь претенциозно, типа «grosy antique». На кровати валялись тряпки. Фирменные платья, отличные джинсы, ночные рубашки и пижамы. Как будто кто-то просто выкидывал вещи из шкафа. Но шкафа в самой спальне не было. Комод. Столик с зеркалом. Прикроватные тумбочки. «Справа – гардеробная». Кто-то выкидывал вещи из гардеробной в спальню? Может, и сама хозяйка. Куклы Барби такие неряхи. На одной стене – неожиданно – молитва «Отче наш» на холщовом полотнище. На стене напротив – выдержка из «Упанишад» на каком-то домотканом ковре:

*Где есть экстаз, там есть творение;
Где нет экстаза, там нет творения.
В безграничном есть экстаз;
Нет экстаза в ограниченном.*

На прикроватной тумбочке лежала книжица в переплёте. Северный открыл её на случайной странице и пробежал первый попавшийся абзац:

«На восьмом месяце формируется центр белого цвета, который находится в 70 см над макушкой головы, центр Ангела-Хранителя. На девятом – центр Святых Водителей, располагающийся приблизительно в 9 метрах над головой, он золотистого цвета. Если ребёнок родился семимесячным, то физиологически он уже сформирован, но у такой личности не будет ни Ангела-Хранителя, ни Святого Водителя. Такой человек вполне жизнеспособен, но какова его судьба?»

– М-да. Полная эклектика на розовом фоне... – пробубнил он про себя и обратился к охраннику: – Саша, хозяйка всего этого спала с мужем?

– Что? – опешил тот. – А-а-а... Ну да, они, конечно же, спали. Наверное. Раз она забеременела.

– Я имею в виду – здесь. Именно здесь, посреди экзистенциальных ковров на розовом фоне.

– Я не вдавался в подробности их отношений – это не моя работа. В доме есть и его и её спальня. Но тут вообще много комнат. Так что в каких из них они спали вместе, а в каких – порознь, я не знаю.

– Понятно, понятно, – Северный замолчал. – А какая работа – ваша?

– Ну, я всегда при Леониде Николаевиче... Настя была хорошая, вежливая! – чуть не простонал охранник Саша. Видимо, его угнетала тишина. Не вообще тишина – таких парней, как этот Саша, редко что угнетает, – а тишина в данном конкретном месте. И вообще – угнетало данное конкретное место. Не ясна была причина. Неужто охранник такой трепетный, что смерть дочери хозяина напрочь выбила его из колеи? Может, был влюблён? Такое случается. Нет, на влюблённого не похож. Что-то другое. Сейчас не важно.

Всеволод Алексеевич прошёл в ванную и уже оттуда спросил:

– Эта дверь была открыта, когда вы приехали?

– Нет.

– Саша, будьте любезны, принесите мне мой саквояж. Он на заднем сиденье машины. Спасибо.

Охранник явно был рад сорваться отсюда не только за саквояжем, но и в кандалах по этапу. И тут Северный мог его понять. Даже если парень и повидал немало, то такого он явно не видел никогда. На лацкане пиджака мокрое пятно. Очевидно, что его неожиданно стошнило и он был вынужден отмывать завтрак со своих «доспехов». Если эту ванную комнату видели муж и отец, то... То понятно, отчего муж рыдает. И остаётся только восхищаться самообладанием отца покойной. Крепкий мужик этот Корсаков. Но как-то слишком, на первый взгляд. Олигархи, конечно, «нелюди по определению», если верить яростной народной молве, но обстоятельства, подобные случившимся, уравнивают всех. Исключение может составить патология. Но её, как правило, сразу видно. Не тот случай.

Зять, рыдающий взахлёб?.. У всех по-разному – статистика у Северного накоплена немалая. Но не всё и не всегда уместается в статистические рамки. Особенно такое. Пока непонятно, невнятный он какой-то...

Ванная комната побольше иных гостиных. И тоже – в безумно-розовых тонах и всевозможных их оттенках. Пол весь залит кровью. Тело Насти Корсаковой – в наполненной почти до краёв ванне. Голова на специальном подголовнике. На полу, невдалеке от красивой вместительной лохани на чугунных лапах – плацента с культёй пуповины. Для тех, кто понимает. Для человека же, медицинского образования не имущего и с родами не сталкивавшегося, это – как омерзительная груда чего-то окровавленного, бордово-слизистого, с выползающим оттуда огромным, толстым, витым, белёсым, дохлым глистом. По периметру ванной комнаты, отделанному широким керамическим бордюром, расставлены толстые ароматические свечи – чёрт, розовые! – почти все оплывшие, но в некоторых ещё продолжают теплиться огоньки.

– Я принёс ваш саквояж! – раздался голос охранника из комнаты.

– Отлично! Спасибо, Саша.

Северный вернулся в спальню, закатал рукава рубашки, открыл саквояж, достал пакет, разорвал его, надел длинные резиновые перчатки и вернулся в ванную комнату. Сперва внимательно осмотрел волосистую часть головы, лицо и шею трупа. Молодая женщина. Примерно двадцати семи – тридцати лет. *Rigor mortis*¹ не наблюдается. Да и откуда ему взяться в тёплой воде у упокоенной не более двух часов назад? Более ничего – до приезда официальных компетентных лиц при погонах и полномочиях. Радости инвазивных и биохимических исследований оставим тем, кто сегодня в судебке дежурит.

Северный запустил правую руку в кровавую ванну и принялся её тщательно обшаривать. Спустя несколько минут он окликнул охранника:

– Саша, где ребёнок?

– Какой ребёнок?

– Саша, когда женщина умирает подобным образом, то где-то поблизости непременно должен быть ребёнок. Живой или, как я предполагал, мёртвый. Но у нас нет никакого ребёнка.

¹ Трупное окоченение (*лат.*).

– Подобным образом? – эхом отозвался парень. – Разве она не вскрыла себе вены?

– Нет, Саша. Она умерла сама, но вены для этого она себе не вскрывала. Я, разумеется, не рискну сказать на все сто, но уверен, как минимум, на девяносто девять и девять, что воды в лёгких не будет. Так что это и не утопление. Она умерла от кровотечения. Все ремесленно-протокольные подробности выяснят на секционном столе и в лаборатории. Но должен быть ребёнок. Или его тело... – Всеволод Алексеевич с треском содрал перчатки, вышел из комнаты и быстро спустился вниз.

– Олег, вы обнаружили жену?

– Да, я прилетел... приехал... Зашёл в дом. Позвал Настю – никакого ответа. Она всегда выходила меня встречать, даже если я не звонил...

– В этот раз вы ей не звонили? – перебил Северный.

– Нет. Я не хотел её беспокоить.

– Во сколько точно вы её обнаружили? «Около часа» при таких обстоятельствах...

– Я что, должен был смотреть на часы?! – взвизгнул Олег. – Ещё в ежедневник прикажете вбить, да? Я увидел жену в таком виде, а вы...

– Какой у неё был срок? – спокойно перебил его Северный.

– Она считала, что уже пора...

– Вы знали, какой у неё срок? В неделях! – Всеволод Алексеевич повысил голос.

– Нет! Она не наблюдалась у врача... Я пришёл, позвал. Ни Насти, никого... Я поднялся наверх, зашёл в её спальню и... – Олег снова начал всхлипывать. – Я увидел там...

– И что вы сделали?

– Я сразу позвонил Леониду Николаевичу...

– Вы не кинулись к жене, не стали её тормозить? Не вызвали «Скорую»? Не искали ребёнка? Возможно, что его ещё можно было спасти. Плацента не в ванне, а на полу. Пуповина перерезана. Сомневаюсь, что ваша жена, коль скоро она уже рожала в воду, стала бы вставать из ванны и перерезать пуповину. Она бы таскала на себе новорождённого вместе с плацентой до полного и окончательного загнивания последней! И я сильно сомневаюсь, что она, даже перерезав пуповину самостоятельно, встала из ванны, вышла, куда-то спрятала ребёнка, а затем снова улеглась в воду. Тут был кто-то ещё! С вашей женой кто-то был! Плод, новорождённый, ребёнок – называйте как угодно! – не мог испариться! – Всеволод Алексеевич посмотрел на подозрительно чистый костюм зятя господина Корсакова.

– Разве ребёнок не утонул? – несколько растерянно спросил безутешный муж. И тут же продолжил взбешённо: – Я испугался и позвонил Леониду Николаевичу. Я не подумал о ребёнке. Настя в последнее время была немного не в себе, как-то слишком, знаете ли. Ставила на место шишковидную железу, открывала каналы ясновидения и... – Олег всхлипнул. – Не важно! Я испугался, позвонил... И – да! – я переоделся. Не знаю почему! Я ещё и кофе выпил, пока ждал. Я не помню, что ещё делал...

– Вы не нашли ребёнка, Всеволод Алексеевич? – раздался ровный голос Корсакова.

– В том-то и дело, что нет... Вызывайте уже милицию-полицию, Леонид Николаевич. Я останусь, пока они не придут, разумеется. И они, и коллеги. Где у вас можно курить?

– На террасе. И на задней веранде.

Северный вышел через заднюю дверь.

– Чёрт, тело ребёнка наверняка где-то там, в комнате. И скорее всего, это именно тело. Так что пусть уж лучше менты его обнаружат... – бормотал он про себя, доставая пачку, вытряхивая из неё сигарету и прикуривая. – Хотя... Да нет. Эти привратники Галактического Родового Портала, если что, – ноги в руки и в сторону. А если это всё-таки ещё живой ребёнок, а не тело? Смерть девушки предположительно наступила меньше двух часов назад. Это по времени обнаружения, звонков, приездов. Тайминг, так сказать, со слов. Но кто же людям на слово верит? Если по температуре тела, то ничего не скажешь. Водичка как раз, что называ-

ется, «комнатная». Сколько ей времени надо, чтобы остыть «с» – «до»? Со сколько до двадцати пяти по Цельсию? Может, там горячая вода была? Очень тёплая, в смысле. А то и подливал кто уже после? Да плюс закрытое помещение – эффект сауны... В общем, не столь важно. Плюс-минус совсем недавно. Тогда же, видимо, и ребёнка куда-то упаковали. Младенцы – они выносливые, хоть и хрупкие. Так что, если не колошматить ими о кафельные стены, то вынесут и достаточно долгое переохлаждение. В доме тепло. Но куда же могли его засунуть? На психозе фантазия такие кренделя выкидывает! Но это если сама родильница. Но рано для психоза... Да и ортостатические дела никто не отменял – стала бы она прыгать из ванны наружу и обратно, наверняка бы коллапс поймала. И сама бы тут на полу валялась, и ребёнка бы уронила. Тут бы был. А если не она? Кому здесь могло понадобиться, чтобы младенец тихо загнулся где-нибудь в коробке? В коробке... Вот чёрт!

Бросив сигарету, Всеволод Алексеевич быстро вернулся в дом. Вбежал на второй этаж и дальше – через Настину спальню в гардеробную. Следом тут же появился охранник Саша.

– Спокойно, молодой человек! – прикрикнул на него Северный. – Не думаете же вы, что я хочу порыться в нижнем белье покойной удовольствия ради?! Но не уходите, свидетели лишними не бывают. Стойте тихо и не шевелитесь. Даже не дышите!

Саша замер как вкопанный и, кажется, всерьёз собрался исполнить все приказания в полном объёме. Всеволод Алексеевич подошёл к обувному стеллажу, оглядел внимательно и прислушался. Тихо. Пробежался наметанным глазом по коробкам на стеллаже, потом по нескольким парам сапог, стоявшим на стойке внизу. И опять по коробкам.

– Так-так, вряд ли хозяйка ботфортов, которые иные девицы носят в Монако и летом в тридцатиградусную жару, будет хранить от них коробку, – пробубнил Северный про себя, снимая со стеллажа глянцевого малинового бокса. – Тяжёленькая. Начинайте дышать, Саша. И поглубже – я открываю.

– Господи, боже мой! – по-бабьи взвизгнул охранник.

– Ну что вы, Саша, это не он, – Всеволод Алексеевич приложил ухо к грудной клетке, прошупал роднички. – Это, Саша, всего лишь младенец доношенный пола женского, весом около четырёх килограммов.

– Он... мёртвый?

– Друг мой, будь это создание земноводным – я бы сказал, что оно в анабиозе. Впрочем, это недалеко от истины. Знаете ли вы, Саша, что в белых жировых клетках новорождённых практически отсутствует жир? И младенцы вырабатывают тепло за счёт расщепления жировых молекул на жирные кислоты внутри бурых клеток, присутствующих исключительно вокруг, не вдаваясь в подробности, главных органов. Но жирные кислоты не покидают бурые жировые клетки, как в случае с клетками белыми, а остаются внутри них. И аденозинтрифосфорная кислота, полученная путём расщепления жировых кислот внутри, собственно, клеточных митохондрий сугубо внутри же и расходуется. Бурому жиру всё равно, что будет со всеми остальными органами, кроме тех, что он заботливо окружает. И в данном случае ему за такой махровый индивидуализм – низкий поклон. – Всеволод Алексеевич говорил, но это не мешало ему сосредоточенно осматривать детское тельце. – Так что, Саша, эта «мышь» всё ещё жива, хотя и в «спячке».

Северный достал мобильный: «Детскую реанимационную бригаду, срочно сюда!» – продиктовал адрес и сразу после этого взял ребёнка пятернёй поперёк живота. Ручки и ножки безвольно повисли. Он стукнул его по пяткам. Пощипал за щёки. Приложил палец к младенческому роту. Младенец в ответ едва заметно заgrimасничал.

– Жить будет, – удовлетворённо прошептал Северный. – Срочно грелку, тёплое одеяло... – Раздался звук падающего тела. – Тоже мне, бойцы хреновы! Теперь что, собой младенцев отогревать на старости лет?

Он быстро расстегнул рубашку и прижал к своей груди новорождённую девочку. Затем схватил первую попавшуюся тряпку с кровати и примотал ею младенца. И сразу же известный бабник, сибарит-одиночка, ценитель классической литературы и хорошего виски Всеволод Алексеевич Северный, а в свободное от сибаритства время – ещё и высококлассный судмед-эксперт стал похож на нищую чумичку-побирушку, которой и предложить-то своему отпрыску нечего, кроме тёплого тела и биения сердца.

Новорождённая вяло замяукала.

– Понимаю! Моё тело красивее, а сердце – здоровее, чем у каких-то там женщин индийских, индейских и прочих посёлков, не забывая о субсахаральной Африке, с которой вот уже многие годы борется ООН! – Северный переступил через лишившегося чувств охранника и быстро спустился вниз.

– Поздравляю вас с внучкой, Леонид Николаевич! – Всеволод Алексеевич подошёл к мраморному изваянию у окна и показал ему свою находку. – Хорошая здоровая девочка. Отличные комочки Биша². Слегка переохладилась, но не до степени выравнивания температуры тела с окружающей средой. Наверняка немного наглоталась... всего, – он неопределённо покрутил головой. – Неонатологи позаботятся – и через пару дней будет как новенькая. Новорождённые очень чувствительны к гипотермии, да только у вас тепло. Слишком не успела. К тому же младенцы, особенно девочки, – очень живучие. Аспирационная пневмония если и есть, так нынче всё лечится...

– Почему она у вас за пазухой? – только и спросил сдержанный и мужественный Леонид Николаевич – и упал, как подкошенный.

– Надо же, и этот рухнул, – сказал Всеволод Алексеевич, обращаясь к малышке. – Надеюсь, что не инфаркт или инсульт. Похоже, обычный обморок. От избытка чувств-с, что называется. Уж прости, дорогая, за цинизм, но, кажется, у твоего деда чувств сегодня было действительно в избытке. А где же твой счастливый папаша? – спросил он у девочки, внезапно открывшей неожиданно ясные, молочно-голубые глаза. – Как бы вены себе не вскрыл! С виду малоохольный какой-то. Впрочем, истерики – они крепкие. Не в пример сильным мужчинам. Ладно, идём, дядя Сева передаст тебя в руки ангелов с проблесковым маячком вместо крыльев. Поговорить ещё успеем. Ты будешь приходить в себя в больнице, в удобном таком пластиковом корытце, а дяде Севе будет с кем словеса разводить. Скоро тут будет много-много взрослых дядь в фуражках и без, в форме и по гражданке. Жаль, что ты не можешь мне рассказать, лапочка, кто тебя в коробку для обуви положил и почему. Ну да не беда, сам разберусь. Не то для чего тогда вообще нужны взрослые, умные дяди?.. Удивительно, но мне кажется или я раскачиваюсь? Так и до лактации рукой подать! Оно мне надо?..

Телефон грянул «Рамштайном». Вот только Риты Бензопилы сейчас не хватало!

– Мама, я очень занят! – рявкнул Северный в трубку.

– Объятиями очередной блондинки? – не заржавело за матушкой. Голос Маргариты Пименовны назвать старческим язык ни у кого бы не повернулся. Это было яркого тембра молодое контральто.

– Я не уверен, что она блондинка, но на сей раз ты попала в десятку – я именно что обнимаю особь женского пола! Я тебе больше скажу – она буквально примотана к моей груди и вот-вот начнёт искать губами сосок.

– Чёртов циник! Ничего святого! Избавь меня от прямой трансляции твоих извращённых половых утех! – брезгливо выкрикнула мать Всеволода Алексеевича. – Ну да мне плевать! Мне плевать, даже если ты будешь занят чёрт знает чем, где и с кем, когда меня будут хоронить чужие люди! Плевать. Мне плевать на то, что я так никогда и не дождусь внуков. Знаешь,

² Комки Биша – скопление жировой ткани, расположенное между щёчной и жевательной мышцами. Особенно хорошо выражены у новорождённых и детей раннего возраста. Препятствуют втягиванию щёк во время сосания.

Севушка, на что мне не плевать? – В Ритином голосе зазвучали подозрительно торжествующие нотки. – Мне не плевать, кому достанется твоя раритетная библиотека, когда ты будешь так занят, что и не заметишь, что сдыхаешь в одиночестве, как бездомный пёс! – Старуха ехидно хмыкнула, и связь прервалась.

– Старуха крепка рукой, бьёт точно в цель, – пробормотал Всеволод Алексеевич. – А я просил её меня рожать?! – громко спросил он у малышки, покоящейся на его форматной груди. Та в ответ слабо сgrimасничала. – О! Ты реагируешь на раздражители! Слышишь?.. Как что?! Сладостные звуки близкой сирены, предвещающие скорое наступление должного температурного режима, достаточной оксигенации, живительных физрастворов, глюкозы и всяких там дексаметазонов и антибиотиков. Сдам тебя куда более добрым и менее циничным дядям. Я и так слишком долго ношу женщину на себе – это совсем на меня не похоже! Прости, дорогая. Я бы и поинтересовался, как тебя зовут... Но – в следующий раз, в следующий раз!

Глава третья

Спустя пару часов Северный выхаживал взад-вперёд по гостиной всё того же особняка.

Тело покойной увезли в морг бюро судебно-медицинской экспертизы. Следователь с подручными, осмотрев и опросив, тоже отправились восвояси со скептическими выражениями на лицах. В доме остались Леонид Николаевич, его зять Олег, охранник Саша и Всеволод Алексеевич. Леонид Николаевич стоял у камина и курил. Несколько остекленевший Олег сидел в кресле у журнального столика. Саша принёс из кухни поднос с тремя чашками чёрного кофе.

– Итак, Леонид Николаевич, как вы уже поняли, наша доблестная милиция... Прощу прощения, уже полиция – не склонна считать произошедшее убийством. И тут я с господином следователем абсолютно согласен. Что касается вашей внучки, обнаруженной вашим покорным слугой в коробке из-под обуви, то и на этот счёт у господина следователя имеется вполне удобоваримая версия. Женщина родила и по не понятным ни для кого причинам решила встать и упаковать своё новорождённое дитя именно в такую тару – мало ли что там секта, в которой она состояла, проповедовала? Может, как раз то, что именно картонные коробки из-под «одно-разовых» ботфорт – единственное вместилище, не нарушающее связь «мать-дитя-космос», уж простите господину следователю его несколько горький сарказм и упоминание премии Дарвина. Затем женщина снова прилегла в ванну и отошла в мир иной, хотя первоначально и не собиралась. Всё, дело закрыто, если вскрытие не обнаружит ничего доказывающего обратное. И я могу старого служаку понять – у него огромное количество куда более важных мероприятий, уж будьте снисходительны к нему, Леонид Николаевич. Если кого и винить в преступном бездействии «до», то скорее вас – мужа и отца покойной, но никак не следователя – «после». Надеюсь, вы это понимаете?

Вместо ответа Корсаков опорожнил стакан с виски.

– Но я почему-то уверен, что ваша дочь рожала не одна. И в картонную коробку не она свою дочь уложила. Никаких посторонних следов пока не обнаружено. Может быть, криминалисты что-нибудь наруют. Но вряд ли. А у меня вот – импульс. Интуиция. Называйте как угодно... Олег, у вас часто бывали гости? – внезапно обратился Северный к зятю Корсакова.

– Нет, не часто. Не знаю... Настя в последнее время дружила с какими-то странными людьми. Я... Я не знаю!

– Леонид Николаевич, лучшее, что мы можем сейчас сделать, – это позволить несчастному вдовцу отдохнуть. Да и вам отдых просто необходим. Когда вы упали в обморок, я был готов предположить всё что угодно – от инфаркта до отравления. Хорошо, что обошлось, но вы уже немолоды. И смерть дочери... – Северный впился взглядом в Корсакова.

– Со мной всё в порядке, Всеволод Алексеевич, – голос был твёрд и трезв. – Я хочу, чтобы вы прояснили всё – от и до. И если для этого надо выпотрошить нас прямо сегодня – мы в вашем распоряжении. Жаль, что придётся вскрывать Настю. Она этого точно не хотела. Мы, разумеется, никогда не говорили на такие темы, – тут же добавил он. – Но я хорошо знаю свою дочь.

– Выясняется, что не очень хорошо, – как бы нейтрально проговорил Северный в сторону. – Ну что ж... – обратился он к мужчинам. – Начнём с молодого отца.

Всеволод Алексеевич присел в кресло напротив безутешного вдовца.

– Олег, вы знали, что ваша жена – поклонница такого небезопасного вида спорта, как одиночные роды на дому?

– Как вы можете быть таким бессердечным?! – тот внезапно взвизгнул. – Моя жена, моя любимая Настя... умерла, а вы... ёрничаете!

– Отвечайте на вопросы, Олег. Я не ёрничаю. Я скорблю. Ваш способ скорби – истерика. Мой – сарказм. В любом случае наши стилистические предпочтения не имеют никакого прикладного значения.

– Но есть же какие-то общечеловеческие нормы...

– Отвечай на вопросы, тряпка несчастная! – железным тоном приказал зятю Корсаков.

– Ну хорошо, Леонид Николаевич. Только из уважения к вам... Да, я знал, что Настя ходила в какое-то собрание... Школу, что ли? Клубок? Не знаю... Никакая это не секта!

– Ну разумеется! Ни один психокульт не будет настолько откровенен со своими подопечными. Бокор³ не откровенничает с зомби – он лишь задаёт программу. Название? Адрес? Вы ходили с ней?

– Я не знаю! Я ничего не знаю. Я много работал. И я доверяю своей жене. И что бы она ни делала, чем бы она ни занималась – я всегда доверял ей. Я и представить себе не мог, что она – образованная, современная женщина – всерьёз дойдёт до такого вот...

– То есть вы понятия не имели, с кем общалась ваша жена? Хорошо. Она состояла на учёте в женской консультации? Это была желанная беременность? Хотели ли вы ребёнка?

Северный вёл себя в худших манерах киношных следователей. Уж кто-кто, но судмедэксперт знает, что худшие манеры киношных следователей куда лучше лучших манер следователей реальных. Точнее сказать – совсем другие. И он сейчас просто цепко наблюдал за реакциями Олега. Тот повёл себя так, как и ожидалось – в худших манерах киношных же подозреваемых. Зять Корсакова, заломив руки, надрывно выкрикнул:

– Она не ходила к врачам. Она не считала беременность болезнью. И – да, да, да! – я хотел ребёнка!!! Что вы от меня хотите?

– Ну, уж точно не ребёнка, – Всеволод Алексеевич криво усмехнулся. – Удобная позиция, Олег, вы не находите? Ничего не вижу, ничего не знаю, я ей доверяю...

– Своему отцу она рассказывала больше, чем мне! – он с ненавистью героя немого кино посмотрел на тестя. – Я свободен в своих передвижениях или мне уже предъявлено обвинение?! – Олег вскочил с кресла.

– Пусть идёт, – сказал Корсаков. – Вы не против, Всеволод Алексеевич?

– Леонид Николаевич, я – всего лишь частное лицо, пребывающее в этом доме по вашему приглашению. И я – судмедэксперт, а не юрист. Случайный самаритянин, а не представитель компетентных органов со всеми соответствующими полномочиями. Если ваш мальчик хочет пройти и состояние его костно-суставного и мышечно-связочного аппаратов обеспечивают ему свободу передвижений – как дядя Сева может быть против?

– Иди, – коротко кинул Олегу Корсаков.

Зять вынесся из гостиной.

– Саша, сделай так, чтобы за ним проследили... Ненавязчиво. И тоже пойдёшь подыши воздухом.

Охранник кивнул и вышел вслед за Олегом.

– В чём вы подозреваете вашего зятя? – Северный удивлённо посмотрел на Корсакова.

– Ни в чём... Я не подозреваю. Я – опасаясь за него. Как бы чего... Олег – действительно безвольная тряпка, подкаблучник, всегда во всём с Настей соглашался и слова никогда кривого против не говорил. Он работает в моей компании, но, несмотря на то, что у него такие, сами понимаете, возможности – он даже до топ-менеджера завалящего региона не дослужился. Так... на подхвате. Он безынициативен, нерасторопен, не слишком умен, не способен к решительным действиям в самых обыкновенных ситуациях, куда уж там стрессовых. Олег – ленивое дерьмо, альфонс и истеричка, но, как ни странно это прозвучит, он любил мою дочь. Его

³ Бокор – жрец вуду, «специализирующийся» на «производстве» зомби.

совершенно не в чем подозревать. Тем более и следователь, и вы сами, Всеволод Алексеевич, сказали, что мою дочь никто не убивал.

– Это предварительные выводы. Всё-таки предварительные. В заповедях есть «Не убий», но нет: «Не окажи помощи ближнему своему». Последнее, что правда, в несколько иной интерпретации, – есть в УК РФ. И как раз за неоказание. Но на первый взгляд все, кроме вашей дочери, невинны, аки агнцы, а следователю некогда доказывать обратное. Себя она и так уже приговорила и даже привела приговор в исполнение... Но младенец в коробке... Леонид Николаевич, что было в собственности вашей дочери? Не чем вы позволяли ей пользоваться, а что находилось в её законной собственности.

– Этот дом. Две машины. Пара квартирок там-сям. Счёт, куда деньги переводил я, так что никаких особых миллионов у неё не было... Кажется, какие-то драгоценности были. Но не камни с именами и историей – ничего слишком ценного, ради чего можно было бы... К чему вы клоните, Всеволод Алексеевич? И как можно подстроить такое специально? Вы сами себе противоречите!

– Ни к чему не клоню. Я просто собираю информацию. Честно говоря, дорогой Леонид Николаевич, мне очень интересно докопаться до того, кто перепутал вашу внучку с парой обуви. Я попросил ментов проверить сапоги и коробку на предмет отпечатков пальцев. Хотя?... Что дадут те отпечатки? Мы сможем сличить их с отпечатками пальцев вашей дочери, вашего зятя. С отпечатками пальцев Саши-охранника, простите, вашими и даже моими, но там могут оказаться чьи угодно отпечатки. Например, прислуги. Кстати, почему у вашей дочери нет прислуги? Она сама убирала этот дом? Тут всё вылизано, как в пятизвёздочном отеле. Так не бывает, когда в таких хоромах живут всего двое.

– Моя дочь не любила посторонних! Она всё делала сама!

– Даже беременная? Беременная дочь олигарха – и не белоручка?! Ну что ж, похвально. Вернёмся к отпечаткам. Чьи ещё могут быть? Неизвестной нам подруги вашей дочери, примерявшей её сапоги. Но и подруг у вашей дочери не было. А если были, то об этом не знаете ни вы, ни ваш зять, заявивший, что вы с дочерью близки. И отпечатки продавца, эти сапоги в коробку упаковывавшего, найти вероятнее, чем отпечатки близких людей. Зачем близким людям оставлять отпечатки на коробке из-под обуви? И – главное! – все эти отпечатки нам ровным счётом ничего не дадут...

– Вы, господин Северный, несёте ересь, не соответствующую вашей репутации! – ледяным тоном произнёс Корсаков.

– Ересь?... Возможно, возможно... Ваша дочь оставила завещание?

– Насколько мне известно – нет. Молодым девушкам редко когда приходят в голову такие вещи. Вы что думаете?!. Да нет! Олег никогда ничего такого бы не сделал! И даже не потому, что он любил Настю, а потому, что как огня боялся меня! И не только меня. Он по жизни – трус... И вообще, что за примитивный подход?! Агата Кристи давно не в моде.

– Не напирайте, Леонид Николаевич. Во-первых, не стоит выходить из себя по пустякам, только что потеряв единственную дочь. Во-вторых, вы вызвали меня не потому, что мои соболезнования особенно важны для вас. Но если я всё-таки ошибаюсь и за маской сильного уравновешенного человека скрывается обычный неврастеник – вам нужен специалист иного профиля, – жёстко отчеканил Северный.

– Простите. – В Корсакове вдруг, кажется, отпустило какую-то пружину, он судорожно вздохнул и начал говорить...

Глава четвёртая

Настя была единственной дочерью Леонида Николаевича Корсакова. Единственной, любимой, обожаемой. От единственной, любимой, обожаемой жены. Он растил дочь сам – с грудного возраста. Настина мать умерла в родах.

– По какой именно причине ваша жена «умерла в родах»? – уточнил Всеволод Алексеевич. – Полагаю, вы выясняли у врачей? Если она, конечно, родила в родильном доме.

– Разумеется, моя жена родила в родильном доме. Я – не пещерный человек, чтобы... – осёкся, поймав взгляд Северного. – Конечно, я выяснял. В родах что-то случилось, её потащили на операционный стол и с него уже не сняли. Это было давно, у меня были какие-то выписки, бумаги, но я их не сохранил. Точно могу сказать, что было кровотечение, и хирург говорил, несмотря на то, что они сделали всё, что могли... И вы знаете, я свято верил, что они сделали всё, что могли.

– Вера – это хорошо. Тем более что эти – могут! Могут сделать всё, что могут, и ещё сверх того. И уж если в родильно-операционном блоке не сняли со стола, то... Да любой оперирующий акушер-гинеколог не задумываясь свою почку отдаст, чтобы незнакомая или мало-знакомая ему баба на столе кони не двинула! Это ж материнская смертность! М-да... Так какой диагноз, уважаемый Леонид Николаевич? Напрягитесь, вы же наверняка знали – значит, вспомните.

– Да-да, я стараюсь... Врач называл что-то... Какую-то фамилию... – Корсаков потёр пальцем переносицу. – Матка... Матка... Что-то французское вертится.

– Матка Кувелера?

– Точно!

– Понятно. Хватит об этом. Рассказывайте дальше о жизни и любви. И прочем вашем семейном одиночно-отцовском анамнезе. Вы позволите мне здесь курить, Леонид Николаевич? Мне проще думать, когда я курю.

– Курите ради бога. Уже всё равно. Раньше и я здесь курил, но с тех пор как Настя забеременела... Или нет, даже раньше... С тех пор как она стала активно ратовать за слишком здоровый образ жизни... Забавно, но когда в пятнадцать лет я поймал её с сигаретой, то чуть не поколотил. А она мне кричала, что я всю жизнь курил и фотографии покойной матери все как одна с сигаретой, так почему ей нельзя, что за лицемерие!.. Господи, да пусть бы дымилась как паровоз и пила как биндюжник, но была бы жива!!! – Он отвернулся.

Северный встал, налил себе на глоток виски и прикурил сигарету. Он молча переживал. Говорить хоть что-нибудь – глупо и нелепо. Через пару минут Корсаков взял себя в руки и продолжил.

Они жили с Настей вдвоём. В известные годы Корсаков удачно занял, что называется, «свою нишу», и они, мягко сказать, ни в чём не нуждались. У Насти были лучшие няньки, отличные школы, престижные вузы. У него если и случались женщины, то в дом не допускались. Своё он уже отлюбил, когда похоронил Настину мать. Так что вполне удовлетворялся недолгими лёгкими романами, а то и вовсе... ну вы понимаете. Дочь подрастала здоровой, красивой и неглупой. Окончила школу почти с одними пятёрками. Затем стала менять университет за университетом – и на родине, и за границей – ей нравилось учиться. Слава богу, папино состояние позволяло Насте искать, так сказать, себя, не заботясь о хлебе насущном. Вероятно, он во многом виноват. И слишком большая его любовь к дочери, и чрезмерная забота о ней – наверняка не оправдание. Если вовсе не отягчающие обстоятельства... Получив три высших образования, Настя как-то так ни к какому берегу и не прибилась. «Балет и керамика». Чёрт, опять кругом он, отец, виновен. Ведь отлично понимал, что человеку необходимо в первую очередь ремесло. Хорошее такое ремесло. Уметь делать что-то руками. Сапоги, как

Лев Толстой. Или чемоданы – как Менделеев. Человеку, в голову которого уложено теоретического книжного сумбура под завязку, ремесло необходимо вдвойне. Да и то не факт, что с катушки не съедет. Если уж и Толстому умение сапоги тачать не помогло, то что уж говорить о его девочке с её косорылыми тарелочками и прочим «декупажем». МГУ и всякие бизнес-школы – ещё ладно. Но вот обучение дизайну в Лондоне... Это такая, знаете ли, господин Северный, учёба ни о чём. Вероятно, МАРХИ когда-то и выпускал дельных архитекторов... Но теперь архитектора, сопровождающего строительство и знающего всё – от марки бетона, технологий заливки фундамента до уместного фасона и цвета занавесей – можно встретить лишь в романе «Сага о Форсайтах». Нет? Ну, может быть, может быть... Неважно. Всё равно и МАРХИ давно не тот. Ровно с тех пор, как при нём кафедру дизайна организовали – Корсаков как раз в тот год сие заведение окончил. И после трёх лет, проведённых в унылом проектном бюро, архитектурой никогда уже не занимался. Разве что дома сам себе придумывал... Да-да, Лондон. Лондон и выпускной сильно модно-продвинутых курсов. Был он у Насти на выпускном этом сильно дизайнерском, сильно лондонском. В качестве дипломной работы у неё был проект-макет какого-то странного дома из, ёлки-палки, сладких перцев. В нашу бытность юнцами эти перцы назывались «болгарскими», Всеволод Алексеевич. Дом из болгарских перцев, бляха-муха. Светильники-оливы. Коврики из газонной травы. Баловство. Концепция «естественного дома», где ничего неестественного. И ничто тогда его, идиота, не насторожило! Шутил даже: с электричеством и сантехническими коммуникациями что делать будешь? Светлячков в банки сажать и арыки посреди гостиной копать? Обижалась. Он дочери – мол, зачем всё это, если самые естественные до окончательного и победного конца солнечный свет и овраг за овином всегда к твоим услугам? Сердилась. Ты, папа, говорила, не понимаешь! Мы выбираем всё только самое лучшее из лучшего. Кто «мы»? Что лучшее? Несла, в общем, какую-то ересь, сваливая в одну кучу идолопоклонство с христианскими догматами. Джеймс Фрезер в кратком изложении для детишек вспомогательных школ. Как «дети цветов», вроде того. Только без марихуаны и ЛСД. Похудела сильно. В веганство ударились. Это вегетарианство, только без яиц, брынзы и молока. Чисто лютики-цветочки, коренья-лепесточки. Знаете? Ну да... А папаша, старый дурак, не обратил внимания на дочерние забавы. Чего такого? Сам когда-то Кастанеду конспектировал и даже, в отличие от благоразумной – как ему казалось – дочери, расширителями сознания немного баловался. Чего такого там Настя ему ещё несла? Он особо и не слушал. Обычная каша в голове у беззаботной скучающей девушки. Слишком много лишнего времени и почти неограниченные возможности. Чем бы дитя ни тешилось. А дитя к тому времени было уже вполне себе великовозрастное. Три вуза за плечами как-никак. Двадцать семь. Всегда одевалась, как нормальная дочь богатого отца. Как-то даже сумку эту безмерно дорогую из крокодилов-страусов у него выпросила. На двадцать пять лет, да. И не то что ему жаль, но он человек рациональный. Машину какую подороже купить, картину известного художника, достойный бриллиант, наконец, – это он понимает. Но за обычную торбу?! Ваш «Дефендер», Всеволод Алексеевич, дешевле, чем модель сумы от этой... чёрт, на бэ... что Настя захотела, вы уж простите.

– Да за что же мне вас прощать? – Северный выдал реплику. Просто потому, что Корсаков замолчал. И Всеволод Алексеевич опасался, что безутешный отец сейчас будет выдавать стандартные реакции нормального безутешного отца. А господин Северный судмедэксперт, а не психоаналитик и не священник. Хотя судмедэксперт тоже человек и, само собой, сочувствует чужому горю. Особенно – такому горю. Так что иногда можно и о «Дефендере» поговорить. Ингибиторный трёп. Замедляет горение души потерпевшего. Так что он продолжил: – Я не знаю ни одной сумки, что могла бы исполнить трюк «Прохождение сквозь стену». А «Дефендер», да если ещё и слегка тюнингованный, – как с добрым утром. Так что вас прощать за свой «Дефендер» мне не приходится, а ему я давно простил всё на свете, даже жёсткую подвеску. Он у меня хоть и суровый мужик, но к девочкам богатых папенок претензий не имеет.

Мой «Дефендер» и сумки из страусов – сущности из сильно параллельных измерений. Так что оставим мой дешёвый железный чемодан и вернёмся к...

– Да-да, конечно. Я обычно не страдаю словоблудием и...

– Будем считать сегодняшний день достаточно необычным. Продолжайте.

Разодетая «от последних коллекций» Парижа и Милана Настя никак не могла устроить личную жизнь. Сумками, шляпами, обувками и драгоценностями можно поразить лишь воображение подруг. Мужчинам требуется нечто иное. Нормальным мужчинам. Но где они, те нормальные мужчины? Настя, разумеется, периодически встречалась с какими-то «мальчиками». Впервые, помнится, ухажёр у неё завёлся лет в семнадцать. Длинноволосое неухоженное создание на десяточку её старше. Сильно творческая, знаете ли, личность. Художественный оформитель какого-то театра. Такой, из «сильно талантливых». Иногда начинает казаться, что слово «талант» в нашем наизнанку вывернутом мире уже не просто обыкновенное существительное, а диагноз. «Он – талант!» – и всё. Можно уже ничего не делать. Потому что кругом агрессивные бездари. У таких «талантов» заранее все индульгенции выписаны. Вот и у художественного сильно талантливого оформителя была «бездарная» сожительница. Которая, пока он, «талант», по полгода лёжа на диване обдумывал концепцию очередных нелепых декораций к очередному же нелепому «артхаусу», вламывала не за страх, а за совесть на ниве аэрографии, росписи стен особняков и в конце концов тех самых декораций, что «талант» так и не удосуживался в своём диванном «творческом процессе» натворить и сдать к сроку. И вот такой подарок «под тридцатник» стал за его Настенькой, с позволения сказать, ухаживать.

– Откуда же вы узнали? Про сожительницу «таланта»? – поинтересовался Северный.

– Тогда Настя со мной ещё всем делилась. Рассказала об ухажёре и о том, что у него есть «девочка», но он её не любит...

– Ну да. Любовь – дело такое, мало кому известное. Другое дело – пожрать. Тут даже «таланты» всегда в курсе, что, как и в какое отверстие организма добытый не тобой хлеб насыщенный – желательно с маслом и икрой осетровых – запихивать.

– Ваша правда, Всеволод Алексеевич. Но – это мы с вами. А много ли девочкам надо? Пара слов ласковых, за ручки подержаться... В общем, разыскал я этого декоратора и разок засветил ему в челюсть не фатально, но чувствительно. И объяснил, чем ему угрожает ещё один подход к моей дочери. Она и сама невдолге успокоилась... Первая влюблённость, знаете ли...

– Знаю, знаю. Правда, уже не помню. Ни первой, ни второй, ни последующих. Но знаю. «Память тела» – как знаток Кастанеды знатоку Кастанеды. Стрессовая память тела самая сильная. Влюблённость – это что-то типа: «шёл по улице Донской – меня стукнуло доской!». Со всеми случается. И?

– И потом лет до девятнадцати никаких увлечений – сплошная учёба, танцы, книги...

– Балет и керамика. Понял уже. Ближе к сути, дорогой Леонид Николаевич.

После девятнадцати лет до Настиного берега приплывали «если не говно, то сраная треска», как выразился сам господин Корсаков. Нет, ну бывает же так? Вот есть девушки и не слишком красивые, и совсем нищие, да и то везёт куда больше. И к тому же, уж поймите, господин Северный, отцовские опасения... Обычных девочек обыкновенно любят за самих девочек. А тут – полная упаковка и папа не просто с деньгами, а с деньгами, количество которых... В общем, набирается ФИО «Корсаков Леонид Николаевич» в бесовской Сети – и на тебе, хочешь – по релевантности, хочешь – по дате, а желаешь – так и в картинках. Он своё состояние никогда ни от кого не утаивал, налоги платил и платит исправно, да и списки «Форбс» никто не отменял. Вот как тут понять – нужна ли очередному «пылко влюблённому» юноше «со взором горящим» сама Настя, или же счета Настиного папы обладают невероятной сексуальной привлекательностью и способностью вызывать любовь? Богатые – тоже люди. И если и плачут на публике только в бразильских телесериалах, то в жизни самой обыкновенной сомнения их гложут гораздо чаще смазливой бесприданницы, кою хотят исключительно и только за неё саму.

Ох, сколько раз он собирался держать доченьку в ежовых рукавицах, да только так ни разу и не смог. Ну как тут сможешь, если она – единственная дочь от единственной любимой женщины... Да-да, простите. Мои неуместные рефлексии. Теперь уже и вовсе неуместные... Итак, двадцать семь. Диплом о третьем высшем – дизайнерском. Нелепый макет нелепого дома из болгарских перцев. И его Настя, всегда очень трепетно следившая за модой, – вдруг в каких-то этнических тряпках. В каком-то рубище в турецкий огурец, в сандаликах. Он и внимания, честно говоря, не обратил. Ну мало ли какой очередной поиск себя. Вот, спрашивается, что это за поиск себя такой бесконечный? Потерял себя? Подойди к зеркалу – там всегда ты и только ты. Но врут же себе, ладно бы другим! Заигрываются! Нужен был бы ей кусок хлеба с колбасой – не было бы времени на поиски себя. Его вина... Но он и предположить не мог!.. Нет, что-то неявно тревожило, и он поставил Насте ультиматум: домой! Купил участок на её имя, быстро построил дом. Он бы и не строил, и не покупал бы. Да с ним она жить отказалась, мотивируя тем, что он, отец, пьёт-курит, да и вообще её взглядов не придерживается и ест котлеты из трупов, а не из моркови.

– Так какие же у неё были взгляды? – перебил Всеволод Алексеевич своего уже достаточно накачанного вискарём собеседника. Сам он после первых ста граммов не пил. Ему ещё за руль, как ни крути. Пора этого Корсакова на финишную прямую выводить.

– Ну, у меня в доме – мясо. А она – веганка. Я курю – а она бросила. Я выпиваю, а она – только коктейли из травяных сборов. Да и не против я был отдельной её от меня жизни. Тем более что мой дом недалеко от этого. Десять минут на машине. И к тому же я рассудил, что если она будет жить одна, то...

– То и личную жизнь наконец устроит?

– Ну да.

– Тема приданого и страхов по этому поводу к тому моменту уже отпустила?

– Я думал: «Была бы Настя счастлива». Встречаются же в конце концов вменяемые молодые люди!

– Самонадеянно, но логично, да. Так откуда появился Олег?

Олег появился из какого-то уездного городка. И он даже не собирался «покорять столицу». Настя познакомилась с ним на вечеринке у подруги. Что за подруга – Леонид Николаевич толком не знал. Он к тому моменту старался не вмешиваться в жизнь дочери. Хотел ей дать некоторую свободу и независимость...

– Иллюзию свободы и независимости.

– Что?

– Вы хотели дать ей иллюзию свободы и независимости. Свободным и независимым может быть только абсолютно самостоятельный человек. Впрочем, неважно... Извините, что перебил.

Олег был двоюродным братом Настиной подруги и просто приехал в гости, посмотреть столицу. С той вечеринки они ушли вместе. Всю ночь бродили по городу... Олег не пил, не курил и... И сделал Насте предложение руки и сердца. Без тисканий, без поцелуев-объятий. Просто сказал, что никогда не встречал такой красивой, такой умной девушки. Ну и так далее... Она согласилась, потому что он ей тоже очень понравился. И она привезла его в этот дом. Парень пришёл в замешательство. И... убежал. Сказал, что ему надо побыть одному – и уехал в свой уездный городишко. Настя искала его через двоюродную сестру, свою подругу. Но подруга сказала ей, что Олег не может жениться на Насте, хотя очень и очень любит её. Не может, потому что Настя богатая, а он – ничто, какой-то инженер-строитель. Дочь Корсакова была безутешна – и папа подключился к разрешению ситуации. Вот оно! То есть – он. Тот самый бесребреник, которому нужны не деньги Настиного папы, а сама Настя! Разумеется, что он раскопал подноготную этого Олега. Олег Иванович Плотников. Ничего особенного в биографии не наблюдалось. В том уездном городишке он и родился. У матери-одиночки. Про-

стой женщины, всю жизнь проработавшей на полиграфическом комбинате в отделе кадров. После школы поступил в строительный институт. Не в Москве. Москвы боялся. После окончания вернулся домой и исправно трудился в каком-то уездном СМУ. Женат не был. Детей нет. На два года моложе Насти. Ни красавец ни урод, вы, Всеволод Алексеевич, уже имели возможность наблюдать.

– Вполне смазлив. Странно, что ваш зять не женился, учась в строительном институте. Мужчины всегда в дефиците. Особенно непьющие, некурящие, всю зарплату до копейки домой приносящие.

– Что бы там ни было – он не женился. Друзья-товарищи говорили, что была какая-то роковая первая любовь. Была да сплыла. Покорять Москву укатила, вроде как.

– Да, женщины смелее...

– Настя к нему приехала. Разговор у них состоялся. Он рыдал у неё в ногах, говорил, что она – королева, а он – никто и ничто, ноль без палочки. В общем, всё у них получилось. Он согласился переехать в Москву...

– На какие только жертвы ради любви не пойдёт мужчина, – не удержался от саркастического комментария Северный.

– Он был совершенно искренен, так что зря иронизируете, Всеволод Алексеевич, – сказал Корсаков. – Я уже говорил вам, что Олег – человек слабый. Но при этом он неплохой слабый человек. Так что он...

– Вашу дочь никто не убивал, Леонид Николаевич. Это ненасильственная смерть. Глупая, мракобесная, но ненасильственная.

– Но я хочу, чтоб вы раскопали всё. Всё, что можно. О тех, кто втянул её в это безумие... Как моя внучка оказалась в коробке из-под обуви и... – Корсаков неопределённо помахал рукой. – Что ещё там, чёрт возьми?! Вам лучше знать.

– Как-то вы стали слишком... драматичны. Спиртное?.. Кстати, внучка, да. Она лежит здесь. – Северный достал из кармана блокнот и ручку, написал адрес больницы. – Спросите о состоянии младенца Корсаковой. Я не знал фамилию вашего зятя. Да и к тому же он так страдал, – Всеволод Алексеевич состроил многозначительную мину, – что мне было не до политесов. Вы уж там сами разбирайтесь, кто заявит на неё права – неплохой слабый законный отец или хороший сильный дедушка, – это не моё дело. Моё дело, как вы справедливо заметили, – раскопать всё, что можно. Или закопать – всё, что нужно. В рамках законодательства, разумеется.

– Ваши услуги будут щедро оплачены в любом случае.

– Не сомневаюсь. Тем более я как раз хотел подарить своей матушке сумочку из страуса. Сумочки из страусов очень дорого стоят, не правда ли? Мне будет проще с вашей помощью откупиться от её дражайшей заботы, чем постигать её истинные причины. Тем паче моя матушка в том благословенном возрасте, когда не то что родить в корыто, но и забеременеть-то уже никак, даже приди ей в голову пара-тройка шальных мыслей по этому поводу...

– Вы, Всеволод Алексеевич, немного забываетесь! Меня, конечно, предупреждали о вашей, как бы это сказать, невоспитанности...

– Я никогда не забываюсь, Леонид Николаевич. И уж тем более я не забываю, что вы только что потеряли дочь. Вы сами ещё это до конца не осознали. Так что сегодня вызовите врача, друга, проститутку... Пойдите в спортзал или в бассейн. Или седация, или физическая нагрузка. Транквилизаторы и спиртное тупо оглушают. А вот физическая нагрузка повышает уровень эндорфинов. Эндорфины блокируют боль. Раковому больному морфин – не кайф, но облегчение мук. Вам сейчас эндорфины – не удовольствие, но лекарство. И ещё... Мне нужна информация. И вы, Леонид Николаевич, и этот ваш Олег Плотников – напишите мне на бумаге всех Настиных знакомых, с которыми она общалась в последнее время. Да и не в последнее тоже. Всё, что знаете. Знаете имя? Пишите имя. Если ещё и фамилию – отлично! Адрес, где

работает, – вообще прекрасно. И пусть ваш Саша мне эти списки как можно скорее доставит. И ещё мне нужно ваше разрешение вот на что: кровь. На ДНК-анализ. Настину и так возьмут. Но и Олега кровь нужна.

Корсаков молчал. Северный не торопился прерывать затянувшуюся паузу. Наконец, не меньше чем через минуту, Леонид Николаевич приглушённо выдал:

– Его-то зачем?

– Надо знать, до какой степени ваша дочь пользовалась предоставленной ей свободой и независимостью.

– Вы полагаете?.. Из ревности убил в родах? Но как?!

– Я пока ничего не полагаю. Просто хочу знать наверняка.

– Хорошо.

– Я облегчу вам задачу. Скажите ему, что это нужно для коррекции лечебной схемы его ребёнка.

– И всё же неужели вы допускаете?..

– Успокойтесь, Леонид Николаевич. Аллели, локусы, хромосомы... Вопросы отцовства-материнства иногда простые, а иногда сложные. Думаю, в данном случае это окажется простой формальностью. Но вы сами просили всё выяснить от и до. То есть досконально и наверняка. Так что прошу вас, помогите мне выполнить вашу же просьбу.

Всеволод Алексеевич поднялся с кресла, давая понять, что на сегодня всё.

– Могу я вам звонить, если что?

– В любое время, господин Северный.

Корсаков тоже поднялся, но вместо дежурного рукопожатия просто отошёл к окну.

Уже подойдя к двери, Северный обернулся и спросил:

– Такой большой дом... Слишком чисто и ухожено всё. Особенно территория. Газоны тоже стригла беременная Настя или ваш чудесный зять?

– За газонами-деревьями ухаживал мой садовник. Я же сказал вам, что живу в десяти минутах. Он приходит нечасто, работает быстро и уходит.

– Понятно. И последний вопрос на сегодня, Леонид Николаевич: зачем всё-таки вы меня пригласили?

Северный вышел за дверь, не дожидаясь ответа.

Он дружелюбно пожал ошивавшемуся во дворе охраннику Саше руку, задал пару вопросов об организации охраны посёлка, о соседях, соседской прислуге и отчалил с места кровавых событий.

Всеволод Алексеевич рулил и думал о том, сколько смертей произошло в этом городе в тот временной отрезок, что он провёл в этом особняке. Сколько людей именно за сегодняшние сутки будет убито тем или иным способом? А сколько ненасильственных смертей произойдёт? Статистика-то известна, и она совсем невесёлая. Но ещё страшнее становится, когда в голове твоей беспрестанно крутится мысль о том, что пользуйся люди элементарным здравым смыслом, дарованным им от природы, – то ничего противоестественного с ними бы не происходило. Впрочем, что это он, стареет?.. Дело есть дело. Попросили всё выяснить? Выяснит. В том числе – зачем попросили. Кто дал контакты Всеволода Алексеевича? Сеня. Вот Сеню он сейчас и выдернет из его семейной субботы, чтобы не слишком расслаблялся, лишая отдыха друзей.

Северный достал телефон:

– Семён Петрович, приветствую. Я чертовски голоден и по такому случаю приглашаю тебя отведатьпельменей всех возможных модификаций, включая салат изпельменей, мороженое изпельменей... в смысле, мороженыепельмени тоже включая. И никаких детей, запечённых под соусом родительских ошибок.

– Привет, – уныло протянул Сеня. – Я бы рад, но Леська будет только через пару часов. У неё не то танцы, не то йога... Нянька отпросилась. Сказала, что не может. Хотя я готов ей

был отвалить такие сверхурочные, что... Я просто хотел поработать! Но если бы знал, что ты меня в ресторан позовёшь, я предложил бы няньке руку и сердце за дополнительное время «отсидки» с моими головорезами.

– Она бы за тебя не пошла, не смотри что страшная и толстая. Какая нормальная баба пойдёт за мужика, который клепает детей каждый год!

– Это не я! Она сама!.. Севка, приезжай, а? Ну пожалуйста! – заканючил Сеня.

– Хорошо. Мне всё равно надо дать тебе ногой по печени за то, что ты мои телефоны кому ни попадя раздаёшь! Жди и не вздумай уйти от ответственности, покончив жизнь самоубийством.

Глава пятая

Северный познакомился с Семёном Петровичем почти десять лет назад.

Как-то жарким-жарким июлем Всеволод Алексеевич шёл коридорами Министерства обороны по своим делам – вернее, по делам одного из чиновников данного ведомства. И в этот момент из дверей одного из кабинетов выскочил красный потный парень в синем деловом костюме, белой рубашке, скособочившемся галстуке и с портфелем.

– Блядь, если бы вы знали, какие они тупые!!! – прошипел он в лицо Всеволоду Алексеевичу.

– Они не тупые, молодой человек. Но некоторые из них очень удачно под тупых косят. Своего рода, если вам угодно, актёрское мастерство высочайшего класса.

– Я им битый час объяснял, что тендер на поставку реанимобилей дальше уже не пилится!

– Так то не от тупости, а от жадности... Но вы бы поосторожней, юноша. Выбегаете из кабинета и первому встречному рассказываете, мол, чиновники взятки берут. Может, я в доле?

– Это вряд ли, – усмехнулся молодой человек и завистливо оглядел Северного буквально с ног до головы. Всеволод Алексеевич был одет в майку-боксёрку, льняные штаны и теннисные туфли. – А кстати, как вас сюда пустили-то без костюма?

– А может, я тупой родственник тупого взяточника?

– Правда?

– Всеволод Алексеевич Северный. С кем имею честь?

– Семён Соколов. Семён Петрович! – Парень схватил руку Северного и долго и горячо тряс её. Немного испугавшись, но искренне. Северному это понравилось. Быть честным, но не чуждым хитринки – это не каждый может себе позволить.

Почему люди столько всего – от высококачественной поэзии до низкопробных песенок – посвятили любви с первого взгляда, а о таковой же дружбе информации ноль?

Забавный Семён Петрович очень заинтересовал Всеволода Алексеевича. И справедливо рассудив, что чиновник подождёт, потому что чиновников много, а такие экземпляры, как этот паренёк, судя по всему, большая редкость – не будь у него, Северного, наследственной мощнейшей интуиции Риты Бензопилы! – Всеволод Алексеевич пригласил эмоционального юношу в ресторан.

В заведении много выше средней руки Семён Петрович затребовал ведро пельменей – никуда не делись, исполнили. Не то слепили, не то до ближайшего продуктового магазина сгоняли, неизвестно. Но Всеволод Алексеевич старый клиент, да и хозяин кабака ему кое-чем обязан, так что ведро пельменей Соколову обеспечили. И под это ведро пельменей и шкалик водки парень вывалил на Северного не только презентацию реанимобилей с экрана извлечённого из портфеля ноутбука, но и всю свою жизнь. Благо её хватало пока только ровно на тот самый шкалик. Родился-учился. Окончил медицинский институт... Ну да, ну да... Где же ещё судьба может столкнуть двух выпускников – пусть и с разрывом в десять с гаком лет – медицинских вузов, как не в коридорах Министерства обороны?... Затем – интернатура. Денег нет ни черта. Последние – на деловой костюм ушли, раскудрить его, этот дресс-код! Встречают по одежке, пока ты не докажешь, что и в шортах, сука, умный. Квартира – съёмная. Жрать нечего. Перспектив в медицине никаких. Короче, ушёл в фирму, торгующую медицинской техникой. Хотя в фармацевтических зарплата больше была. Зарплата и всякие там машины-командировки. Но как-то таблетки-пипетки-флакончики – не то. Муторно и несолидно. Всё равно что презервативами торговать. Нет-нет, дело, разумеется, нужное. Куда же без презервативов? Но хотелось чего-то более значимого. Интеллектуально ёмкого. И даже значительного, чёрт возьми! Конечно, фармакологический бизнес тоже весьма интеллектуально ёмкий, но...

Этих «но» у Семёна Петровича роилось во множестве. На самом деле торговать медицинской техникой ему казалось красивее... И вообще!

Мыслей в весьма неглупой, стоит отметить особо, голове Семёна Петровича роилось больше, чем пчёл на цветущем гречишном поле. Мысли его сталкивались друг с другом, противоречили друг другу, частенько страдали маниловщиной и были деятельны, как Чичиков в первые дни пребывания в губернском городе NN. И думал Семён Петрович преимущественно вслух. Для своего возраста Соколов был немного полноват, как-то рыхловат и бледноват – как и свойственно блондинам, ведущим преимущественно гиподинамичный образ жизни. Но при всём при этом вокруг молодого человека витала аура необъяснимого обаяния и тонкой интеллигентности. Последнее было особенно странно и непонятно, учитывая, что матерился Семён Петрович, как какой-нибудь забулдыга-сапожник из сильно прежних времён. Чёрт его знает! Граф Толстой тоже сапоги тачал, да. Но кто бы назвал его неинтеллигентным? К тому же чувствовалось, что этот самый Соколов, горячо осуждавший «распильщиков» из Минобороны, и сам, в общем-то, при случае сорвёт куш, ни на секунду не задумавшись. Но при этом – весь полон прожектов о честном, прозрачном, социально-ответственном бизнесе. И хочет на пустыре построить парк культуры и отдыха. Если, конечно, разбогатеет. А разбогатеет непременно! Хотя сейчас живёт в съёмном сарае и лопаёт пельмени и тушёнку. «Интересное дело!» – восклицал Семён Петрович, перед тем как пуститься в очередной поток взаимопротиворечащих и даже взаимоисключающих сентенций. А Северный любил интересные дела.

Всеволод Алексеевич и Семён Петрович как-то моментально стали «Севой» и «Сеней». И пару раз в месяц стали встречаться.

– Мы с тобой, как два старых пидораса! – орал Семён Петрович на весь зал загородного спортивного клуба.

– Почему как два старых? Опять у тебя проблемы с анализом и классификацией информации. Точнее было бы сказать: «Как старый и молодой».

– Да какой ты старый? На тебя девки вешаются, как игрушки на ёлку!

– Игрушки на ёлку, Сеня, не вешаются. Игрушки на ёлку вешают.

– Ну тогда они на тебя вешаются, как... Как...

– Учитесь, учитесь, друг мой, точно формулировать свои мысли! Это для бизнеса – самое оно.

– О'кей, о'кей, о'кей! – окейкал Сеня. – Сейчас, сейчас! Бабы на тебя вешаются, как зелёные мухи на говно!

– Ну, во-первых, зелёные мухи на говно не вешаются, а садятся. А во-вторых, точность формулировки не отменяет красоту и эстетику оной, – поучающе вещал Сева, легко разделявая с другом на корте.

– Ещё одна попытка!!! Сейчас... Уф! – Сеня упругим киселём плавился, но не сдавался. – Сейчас я выдам!!! Девки на тебя вешаются, как... Нет, ракушки липнут к днищу корабля... Как пальто на крючки гардеробной во время аншлага!

– Пальто тоже вешают. Само ничто никуда не вешается, кроме девок и деток. Так что девки вешаются на меня, как девки, вешающиеся на меня. Я полагал, ты догадаешься. А ещё стихи пишешь!.. Всё, тебе хватит! А то до коллапса допрыгаешься!

Да, Семён Петрович писал стихи. «Стихи» – это, конечно, слишком громко сказано. Сенины рифмы были незамысловаты и писались только по поводу влюблённости или неизбежно следующего за влюблённостью разочарования в её объекте. *«Что я могу тебе дать? У меня есть только старая кровать. Одинокой душе не прикажешь ужже. Я живу свой пельмень – мне страдать очень лень...»* – строчил Семён Петрович в свой ежедневник, заседая на статусном совещании у крупного дистрибьютора, не забывая изредка вставлять разумные комментарии по делу. Вскоре он уже возглавлял отдел комплексных проектов весьма солидной фирмы, торговавшей всем – от одноразовых перчаток до высокотехнологичного оборудо-

вания вроде компьютерных томографов и ядерно-магнитно-резонансных установок. У Семёна Петровича Соколова были несомненные организаторские таланты – он мог сводить воедино огромное количество входящих потоков информации и формировать из них все заинтересованные стороны удовлетворяющее предложение. На мониторе его компьютера было открыто одновременно не менее пятнадцати окон – тут тебе и функциональные таблицы «Эксель» со скрытыми ячейками процентов «фантастической» маржи будущего миллионера Соколова, и договора на трёх языках, сканы сертификатов на оборудование, условия растаможки, сведения о предполагаемом поставщике и его ближайшем конкуренте, а также – обо всей линейке продукции всех известных производителей. Почта рабочая, почта личная. И – непременно! – сайт знакомств и ещё какой-нибудь чат. Семён Петрович мог разговаривать по нескольким телефонным линиям одновременно. И сразу же после бежать на балкон покурить с сервисным инженером. Чтобы узнать сплетни о бухгалтерше, попутно выяснив, что не так с поставленным туда-то и сюда-то оборудованием. Он был ярок и полон талантов, этот Соколов. Его метало, что называется, от края до края. И при этом – не рвало вдребезги пополам. Он был удивительно цельным.

Всеволода Алексеевича он просто обожал. Можно сказать, был влюблён в него, как маленькая девочка в киноактёра – платонически, пылко, неистово...

– Никогда не женюсь!!!

Кажется, это был один из тех редких дней, что у нормальных людей именуются «выходными». И у Северного не случилось никакой «сверхурочной» оказии. Он лежал на диване с книгой, но Соколову дверь открыл. Он любил своего молодого друга.

– Отчего же ты никогда не женишься? – лениво поинтересовался Всеволод Алексеевич. Сам он никогда и никому, включая себя самого, подобных заявлений не делал. Просто не женился. Как-то так.

– Все бабы – дряни!

– Какое свежее наблюдение! – Северный вытряхнул из пачки сигаретку и вытянул длинные ноги. – Что случилось?

– Случилась гонорея! У меня!!! У выпускника медицинского вуза, у почти уже топ-менеджера... Осталось подсидеть там одного, не важно... Он и так идиот. Сам спалится... Случилась гонорея!

– У идиота? – ехидно поинтересовался Северный.

– Нет, не у идиота. У меня! – Соколов запнулся. Хихикнул. – Да, я тоже идиот. Я трахнул какую-то тёлку в поезде.

– Романтика! – съязвил Всеволод Алексеевич.

– Сева, я трахнул её не просто в поезде, в поездном туалете! Я трахал тёлку в сральне паровоза! О-о-о!!! – завыл Сеня и схватил себя за волосы так сильно, как будто хотел содрать скальп.

– Виски, как я понимаю, тебе не предлагать? – уточнил Северный.

– Смеёшься, да? Издеваешься? Ты представляешь, что такое гонорея, а?! Это бесплодие, стриктуры уретры, сепсис, в конце концов!!! – Сеня упал на колени и стал биться головой о толстый ковёр. Не слишком сильно, но, как всегда, вполне искренне.

– Ты что, не собираешься её лечить? – спокойно спросил Северный, вернувшись на диван со стаканом виски и взяв в руки книгу.

– Собираюсь, конечно! Я её уже лечу – вот, посмотри схему. Там всё правильно? Ты же действующий врач, а я врачом-то так никогда и не был толком, интернатура по терапии не в счёт.

– Сеня! – Северный и не подумал отложить книгу и стакан. – Я не венеролог. И даже не уролог. Я, Сеня, судебно-медицинский эксперт. Мои «пациенты» как-то не слишком беспокоятся на предмет своего мочеполового здоровья. Равно как и нездоровья.

– Да? – совершенно серьёзно переспросил Сеня, неуверенно глядя то в бумажку с расписанной ему схемой лечения, то на Всеволода Алексеевича.

– Друг мой, ты уверен, что у тебя всего лишь острая гонорея, а не, к примеру, третичный сифилис? Потому как первая, насколько я помню, на интеллект особо не влияет, в отличие от второго.

– Сева, но что же делать, что же делать?! – возопил Соколов с ковра, на коленях подполз к дивану и, обессиленно прислонившись к нему спиной, заплакал.

– Фу! Тебе двадцать восемь лет! А ты плачешь, как маленький мальчик, из-за какой-то острой гонореи!

– Я плачу из-за того, что я занимался половой еблей в санузле поезда! – тут же перестал плакать Сеня. – Никогда не женюсь! Все они – суки. И бляди.

– А ты, поди, принц на белом коне?.. Так, не мешай мне пить, закусывая духовной пищей. Холодильник и софа в дальнем углу в твоём распоряжении... И не вздумай вытираться моим полотенцем, сопляк! – опершись на локоть, проорал Всеволод Алексеевич в спину помчавшегося на кухню Сени.

– Северный!!! Я с такой девкой познакомился, отпад!!! – проорал ему в ответ уже грохочущий кастрюлями Соколов. – Только я её тебе не покажу. Я как только тебе кого-то покажу – всё. Они меня уже не хотят – они тебя хотят! Так что фигу тебе... Я сейчас кошу под высокодуховного юношу. Типа, на первом свидании не целуюсь, с места в карьер не совокупаюсь. Надо поближе узнать друг друга, акт физической любви сакрален и подобная хрень. Она вся так и млеет... Северный, а когда гонорея уже перестаёт быть заразной?

– Гондон! – донеслось до Соколова.

– Ты чего обзываешься?! – опешивший Сеня подбежал к дивану поближе, размахивая мокрыми руками.

– Уйди, тварь неряшливая! – рявкнул Северный, прикрывая книгу от брызг. – Я не обзываюсь. Я рассказываю тебе, взрослому дяденьке, каковое средство является не столько барьерной контрацепцией, сколько способом предохранения себя и партнёрши от заболеваний и инфекций, передающихся половым путём. Кстати, где в поезде твоя голова была?

– В отключке. Я был на конференции по аппаратам искусственной вентиляции лёгких и кардиомониторам. Ну и, там, прощальный банкет, и сразу на поезд, и в вагоне-ресторане...

– Понятно. Продолжение банкета. За столиком – очаровательная фея, и Сеня уже достаёт свою волшебную палочку из штанин... Ты уже написал оду на это событие? – Всеволод Алексеевич отложил книгу, щедро отхлебнул из стакана, нахмурил брови и, откинув голову на подушки, с пафосом продекламировал:

Рельсы-шпалы и прочий колёсный стук
Как шальные летели мимо.
Я тебя обнимал и ласкал, милый друг,
Неизбычно, неутомимо...

Опершись на сидушку, стояла ты
В характерной для этого позе.
Не дарил я тебе никогда цветы,
Не писал посвящений в прозе...

Водопадом слилась, как вода, любовь,
Я похмельем жестоким страдаю.
На анализ сданы уж моча и кровь —
Рифм, прости, я иных не знаю...

Был коварными чарами лона сражён —
И поднять кое-что не смею...
Я истерзан, раздавлен, я опустошён...
Я лечу в КВД⁴ гонорею!

— Очень смешно! — обиделся Сеня. Но тут же завистливо заметил: — Крут ты, Севка, стихи ваять! Эх, мне бы так, экспромтом, на любую тему...

— Это не стихи, балда! Это низкокачественное рифмоплётство.

— Но как ты их молотишь! Ух... Не буду тебя со своей новой дамой знакомить.

— Ты сперва гонорею вылечи, рыцарь! — засмеялся Северный и вернулся к книге.

— Сева, кроме шуток, я так недоволен тем, что случилось!..

Всеволод Алексеевич понял, что Семён Петрович ему покоя не даст, встал с дивана, поставил книгу на полку и даже, кажется, ласково погладил её. Как погладил бы, наверное, любимую, уснувшую в спальне после любовных утех. Если бы у него была настолько любимая женщина, что ей бы позволялось засыпать в Севиной спальне-нише, не рискуя вызвать при этом его недовольство.

— В этом основная проблема живых людей — они всегда чем-то недовольны. Ты недоволен тем, что подцепил спьяну гонорею, я недоволен тем, что ты отвлекаешь меня от хорошей книги.

— Ну, ты, брат, сравнил!

— Вот-вот! Именно об этом я и говорю. Люди всегда — всегда! — чем-то недовольны. Ты недоволен моим сравнением. А кто-то сейчас недоволен тем, что скончалась его любимая кошка. Или отошла в мир иной бездетная тётя, оставив домик в Тверской губернии почтительно здоровавшемуся с ней сельскому почтальону, а вовсе не единственному племяннику. Именно в это мгновение кому-то наступили на ногу — и этот кто-то недоволен. Недоволен и тот, кто наступил, — на него, видите ли, криво посмотрели. А кому-то минутой прежде сообщили результаты биопсии опухоли. «Простите, батенька, злокачественная...» И «батенька» недоволен. Причём недоволен не только результатами биопсии, но ещё и тем, как именно ему об этом сообщил врач. Кто-то прямо сейчас крайне недоволен тем, что ему паяльник в жопу суют...

— Северный, это уже не модно!

— ...а кто-то недоволен именно тем, что совать паяльник в жопу — уже не модно. Люди всегда чем-то недовольны. Чего не скажешь о книгах или, например, о трупах. Собственно, это одна из причин, по которым я всё ещё не женился. Я постоянно был чем-то недоволен. Даже во время занятий любовью, я уже помолчу про после.

— Сева, но чем можно быть недовольным во время занятий любовью?!

— Чем угодно. Занимаешься ты, к примеру, любовью в поездном туалете. И даже получая некое сомнительное нехитрое удовольствие, ты недоволен тем, что стучат. Или ботинки жмут. И в голове твоей постоянно семафорит недовольная мысль: «Зачем я это делаю посреди чужого дерьма?!»

— Не мог не укунить?!

— Видишь? Вот ты и снова недоволен. Между тем я вовсе не кусал тебя, а просто взял самый близкий пример. Но если ты недоволен, то вот тебе другой: занимаюсь я, к примеру, любовью с прекрасной почти юной девой на белоснежных шёлковых простынях. И страшно недоволен идиотом, придумавшим шёлковые простыни, и толпой его последователей, вбивших себе в голову, что для секса нет ничего лучше, чем разъезжаться во все стороны при попытке зафиксировать ускользающую партнёршу. Недоволен чёртовой юной девой, которая ни хрена ещё не соображает в искусстве любви, но не хочет в этом признаться. И на мои ласковые при-

⁴ КВД — кожвендиспансер.

косновения – по сути ещё прелюдию прелюдии – стонет и плачет, как будто её бьют о борт корабля, и симулирует оргазм. Который ещё не умеет симулировать. Потому что, для того чтобы симулировать оргазм, надо его хотя бы пару раз испытать. Что имеем? Я недоволен всем от и до. От простыней до девы. Ну, или от девы до простыней – как тебе угодно. Я даже своим оргазмом недоволен, потому что акт на шёлковых простынях был, по сути, так же механистичен и бездушен, как и твои экзерсисы в поездном санузле под перестук колёс.

Соколов всегда знакомил Северного со своими пассиями. Как будто похвастаться хотел. Причём не перед ним. А Севой – перед ними. И пассии тут же переключались на так расхваливаемого Сеней Всеволода Алексеевича. Если они были ничего себе, то... Нет-нет, ничего такого Северный себе не позволял. Если они были ничего себе, то Всеволод Алексеевич вполне мог позволить себе поддержать застольную беседу. Иногда девушки продолжали с Сеней встречаться, но лишь для того, чтобы: «Когда же мы ещё раз встретимся с твоим другом?» «Никогда!» – бурчал в ответ умный и благоразумный Сеня.

Но однажды Семёном Петровичем заинтересовалась девушка и сама вполне умная и благоразумная. Сеня тут же потащил её ужинать с Севой. И она не обратила на Северного никакого внимания!

– Сеня, женись! Заведи детей. Эта Лесья – именно то, что тебе надо.

– Вот ещё. Никогда!.. Я – как и ты – никогда не женюсь!

– Я никогда не говорил, что никогда не женюсь. Я просто никогда не женился – вот и вышло, что я не женат. А ты говорил, что никогда не женишься. Мысль изречённая есть ложь. Поверь классику русской поэзии. Я же, поскольку поэтического дара лишён, поработаю пророком: ты – женишься на этой девушке. И отчего бы тебе не жениться? Ты на двенадцать лет моложе меня – и значит, на двенадцать лет уживчивее. Она – самое то!

– С чего ты взял? Это потому, что она не устала на тебя взглядом восторженного щенка?

– Ну отчего же – не устала? Устала. Просто у неё хватило ума этот взгляд скрыть. Из чего я делаю вывод, что она умна. Умная женщина – большая редкость. Впрочем, как и умный щенок. Женись на ней, Сеня!

Семён Петрович не послушался своего старшего друга. И целый год пытался не жениться на девушке Лесе. Но ровно триста шестьдесят пять дней спустя Северный был приглашён свидетелем на свадьбу. Откуда недолге ретировался по-английски, чтобы его не разорвали в клочья многочисленные подружки невесты.

И вот спустя каких-то смешных десять лет Семёну Петровичу уже тридцать восемь и у него четверо детей. Вместо рыхлой подкожной клетчатки – плотное солидное пузо. Вместо позиции топ-менеджера – свой бизнес. Парк культуры и отдыха он пока не воздвиг, но приличную детскую площадку справил. И вовсе не для того, чтобы уклониться от налогов, а по доброте душевной и сильно заводному характеру. Поехал к товарищу в гости, увидел, посреди чего играют дети на улице... И, психанув, обустроил горками-качелями-песочницами совершенно чужой ему двор, где в мусоре, как на окраинах Каира, забавлялись чьи-то человеческие детёныши. Не вынесла душа поэта. Вот так-то! Не ошибся Северный, не пройдя мимо незнакомого юнца чиновничьими кабинетами. Много ли лиц при должностях за свои кровные, или хотя бы за попиленные, детские площадки хрен знает где и неизвестно зачем справляют? Почти не осталось их, мальчиков с большой душой. И бог с ним, с солидным пузом.

Семён Петрович к настоящему моменту времени был отнюдь не беден, хотя привычка к пельменям осталась. Сейчас он строил дом – но Всеволод Алексеевич заранее знает, что и там, как и в нынешней немаленькой квартире, будет царить бардак, и никакая прислуга или бронированная дверь в собственный флигель в собственной крепости не поможет. Но ещё Северный знал, что посреди этого беспросветного бардака, как и прежде, будет царить счастье, а на совместном счету Сени и его жены – благополучие и процветание. Жена его друга – Олеся

Александровна – женщина, как и прежде, очень умная. Что большая редкость. Кроме того, только она может справиться с перенапряжением в ментальной и психической энергосети своего благоверного. При этом супруг её наивно полагает, что глава семьи – именно он. Соколов ездит на роскошном белом авто. Жена его ездит на роскошном белом авто. И они оба, как и прежде, смотрят на Всеволода Алексеевича взглядами восторженных умных щенков. Просто она это умело скрывает.

А в жизни Северного за истекшие десять лет почти ничего не изменилось, разве что библиотека стала полнее. Ему всего лишь пятьдесят. Выглядит он максимум на тридцать пять – причём изнутри: по результатам тестов и анализов. Что снаружи – его мало волнует. Зато волнует юных и не очень дев. Что касается машин – он просто меняет предыдущий «Дефендер» на последующий. В классическом «болотном» окрасе.

И ещё... Пару лет назад с лёгкой Сениной руки он оказался вовлечённым в некую авантюру – и с тех самых пор в свободное от основной работы время изображает из себя не пойми что... Решателя ребусов. Чёрт бы побрал этого Соколова! Хотя решение ребусов неплохо оплачивается, да и фокусником-одиночкой себя не назовёшь. Потому что многие помогают, и тот же Сеня каждый раз под ногами вертится, пыля хвостом и кидаясь на каждую бабочку и даже тень от бабочки. Как у него на всё энергии хватает? И почему никуда не девается пузо?! Но это не ребус. Счастье полнит.

Всеволод Алексеевич нажал на кнопку дверного звонка. Выждал – и нажал ещё. Тишина.

– Ну, разумеется. Было бы странно, если у Соколова работал бы звонок. Разве может в доме хоть что-то работать, когда там четверо детей, у папы руки, в отличие от головы, растут из жопы, а голова занята такими глобальными проблемами, что подумать о том, чтобы вызвать специально обученного чинить звонки специалиста – некогда! – пробурчал себе под нос Всеволод Алексеевич, доставая мобильный.

– У тебя звонок не работает три года. Так же, как и ручка на двери тамбура. Ты – идиот! В каком-то Люмпен-сити ты оплатил целую детскую площадку! А в собственной квартире три года как не можешь починить звонок!

– Сева, ты уже здесь?! Сейчас открою!

– Будь любезен. Я выпил слишком много кофе под задушевные рассказы одного милейшего олигарха.

Через минуту в коридоре тамбура послышались шаги, дверь распахнулась, и Всеволоду Алексеевичу в глаза ударил свет яркого налобного фонарика.

– Извини, извини! – Сеня изменил угол падения света, крикнув вращательным механизмом. – Просто у нас тут лампочка перегорела, и я...

– Скажи мне, отчего я не удивляюсь тому, что у тебя лампочка перегорела? И скажи мне, как такой полный бытовой кретин может нормально вести серьёзные дела, а? Последнему я очень удивляюсь...

– Дядя Се-е-е-ева!!! – кто-то с боевым кличем вынесся из тамбура и врезался Северному крепкой башкой прямо в полный мочевого пузырь.

Кофе! Кофе и пробки...

– Дарий, скотина, тебе конец!!! – рывкнул Всеволод Алексеевич и схватил пацана за шиворот.

Тот в ответ лишь залился счастливым смехом:

– Дядя Сева, расскажи страшную историю!

– Жил-был маленький мальчик. Его звали Дарий. Однажды он лёг спать и не проснулся.

– Почему? – заинтересованно уточнил детский голосок.

– Синдром внезапной детской смерти!⁵ – страшно пробасил Всеволод Алексеевич.

⁵ Синдром внезапной детской смерти (СВДС, лат. mors subita infantum, англ. sudden infant death syndrome, SIDS) – внезап-

Дарий испуганно взвыл. Что-то упало. Сеня разразился потоком идиом в адрес того, что упало, а вовсе не по поводу текстов Северного, как сделал бы любой порядочный родитель.

– А мораль той страшной истории такова, – зловеще продолжил Северный, извлекая восьмилетнего Дария из-под рухнувшего на него велосипеда, – синдром внезапной детской смерти, причём в иных случаях – насильственной, может наступить в результате того, что чей-то папа вовремя не вкручивает лампочки и ставит велосипеды прямо поперёк захламлённого сарая, что по какому-то недоразумению именуется «тамбуром». – Он взял мальчишку на руки. – Ну что, испугался?

– Не-а! – помотал головой мальчик со странным именем и крепко-крепко обнял Всеволода Алексеевича за шею.

– От тебя пахнет какой-то кислятиной! – сказал пацану Северный.

– Я тебя очень люблю, дядя Сева, – ответил ему Дарий.

– Алёна, открой дверь, она захлопнулась! – вдруг заорал Сеня и заколотил в дверь собственной квартиры.

ная смерть от остановки дыхания внешне здорового младенца или ребёнка, при которой вскрытие не позволяет установить причину летального исхода. Иногда СВДС называют «смертью в колыбели», поскольку ей могут не предшествовать никакие признаки, часто ребёнок умирает во сне. Впервые термин «СВДС» введён в 1969 году.

Глава шестая

– Алёна? Последний раз, когда я виделся с вашей сумасшедшей семейкой, твою жену всё ещё звали Леся... – Северный присмотрелся к другу внимательнее. И несколько озадаченно спросил: – Соколов, чем у тебя пузо перемотано? Антицеллюлитный компресс? Шоколадное обёртывание? И говнецом потягивает. Или это от Дария? Дарий, ты воздух испортил?

– Это не я!!! – обиженно проорал Дарий. – Это она обосралась! Только и делает, что жрёт и срёт! – и мальчик-ябеда торжествуяще потыкал пальчиком в нашлёпку на папином пузе.

– Дарий, засранец! – педагогически прогрохотал Сеня. – Я тебе сколько раз говорил, что не «жрёт и срёт», а «ест и какает»!

– Ты сам, папа, так говоришь! Почему это у тебя она жрёт и срёт, а у меня она должна есть и какать?

– Потому что «жрёт» и «срёт» – это взрослые слова! А маленьким мальчикам вроде тебя надо ещё говорить детские слова. Ест и какает.

– Дядя Сева!!! – опять оглушил мальчишка Северного. – Это она покакала! Но воняет по-взрослому, как будто насрала! – торжествуяще резюмировал Дарий.

– Какой он, сука, сообразительный! Какая скорость мыслительных реакций! – умилился Сеня. – За словом в карман не полезет, весь в меня!

– Прекратить морочить мне мозг! – скомандовал Всеволод Алексеевич. – Чётко и быстро объяснили мне, кто насрал, пардон, накакал? Папино обёртывание?

– Это не обёртывание, это – Георгина. Так просто удобнее её носить, – извиняющимся тоном сказал Сеня. – В слинге. Леська слинг купила как-то по случаю, ещё когда Жорыча родила. Пару раз поносила и больше не стала. Георгину не носила. Да и когда ей детишек в слинге носить? Она всё время за рулём. На работе и, вот, в Академии бизнеса теперь. А нянькам как зарплату ни поднимай, они с ними свехурочно не хотят оставаться... Алёна!!!

– Колоти громче. Ты же сам, идиот великовозрастный, установил там ещё одну свето-водо-звуко-воздухо-тепло-холодонепроницаемую дверь. Полагаю, чтобы ужас из твоей квартиры не распространялся в ноосферу, не проникал в мир нормальных людей... Только заботой обо всём мирном человечестве я могу объяснить подобный поступок. А если учесть, что звонок у тебя исключительно и только бутафорский, то...

– Сева, ну всё как-то руки не доходят! Клянусь, я сделаю!

– Ты клянёшься уже давно. Ты или не клянись, или крестними. Вместе с Библией с прикроватной тумбочки. Руки у него не доходят... У тебя вообще только одно место до дела доходит... Так, Дарий, слась с меня немедленно. Георгине всего четыре месяца, так папка потому и носит её в тряпке. Ну и потому что папка. А ты мне – никто. И к тому же чуть не спровоцировал у меня разрыв мочевого пузыря от внешних воздействий. Ваша Алёна что-то долго не идёт... Кто она такая, кстати?

– Папина однокурсница!!!

– О, папина однокурсница? Слава богу. Пожилые женщины меня не интересуют!

– Она красивая! – обиделся за неизвестную Алёну Дарий. – Когда вырасту, я на ней женюсь!

– Геронтофилия ненаказуема, если по обоюдному согласию сторон. Но я бы на вашем месте, Семён Петрович, показал бы отрока психиатру.

– Папа сам бы на той Алёне женился в своё время, – хмыкнул Сеня. – Да от ворот поворот дали.

– Как же Олеся Александровна допускает присутствие в вашем доме этой роковой женщины?! – делано ужаснулся Всеволод Алексеевич.

– Ты сам всегда настаивал на том, что Леся – умная. Кроме того, она любит Алёну. И Алёна, между прочим, тоже умная. И кроме того, её всегда интересовали мужчины совсем иного типа.

– И какого же?

– Такого, как ты!

Если бы в этот момент не сдохли батарейки в налобном фонарике, внезапно ставшем из чрезмерно яркого слишком тусклым, Северный увидел бы, что у его молодого друга какая-то слишком жизнерадостная мина.

– Даже китайские батарейки подчиняются космогоническим законам бытия и перед окончательным угасанием могут имитировать жизнь якобы осознанными и осмысленными действиями. Но агония есть агония... Сенья, друг мой, если нам в ближайшие пару минут не откроют дверь, то я помочусь прямо здесь. Дарий, – обратился он к довольному мальчишке, мечтавшему, чтобы дверь не открывали никогда и он так бы стоял и стоял, держа за руку большого, красивого, умного, таинственного дядю Севу, – что ещё расскажешь про неведомую мне прежде Алёну? Смотри, оказывается, я не всё знаю про твоего папку, хотя почти десять лет регулярно выношу его словоизвержения.

– У Алёны на руке татуировка. Рогатая лошадь и пятнистая кошка.

– Единорог и леопард? Как интересно... Единорог – мифическое существо, символизирующее целомудрие, а леопард – символ жестокости, свирепости, агрессивности, неустрашимости и неусыпности. Эта Алёна – толстая старая дева? Хуже старухи может быть только толстая, злобная старуха-девица с недремлющим оком.

– Я тебе уже сказал, что она – красивая! – Дарий топнул ногой и вырвал руку у дяди Севы.

– Вот оно, брат Дарий. Не из-за дихотомии добра и зла теряют друзей мужчины, а банально из-за баб. Стоять тебе теперь в темноте этого заваленного хламом коридора без моей руки, а всего мгновением прежде мечтал ты о том, что дверь не откроется никогда, и будешь ты ладонь к ладони с дядей Севой, и на вас нападут пираты или вампиры, но ты спасёшь дядю Севу ценой собственной никчёмной мальчишеской жизни, а теперь готов растереть его в порошок из-за какой-то...

– Откуда ты знаешь, о чём я мечтал? – восхищённо спросил пацан и снова уцепился за руку Северного, забыв об Алёне.

Но тут наконец дверь открылась. Вот всегда бедным детям кто-то обламывает мечты. И – конечно же! – первой в очереди на облом вашей мечты будет ваша же младшая сестра!

– Даша – дура! – сообщил ей Дарий.

– Сам дурак! – ответила ему семилетняя сестрёнка. И, кинув плотоядный взгляд на Всеволода Алексеевича, покраснелась, как спелый арбуз.

– Ты эдак когда-нибудь до апоплексии себя доведёшь любовью ко мне, деточка! – сказал крохе Северный. Затем наклонился к ней и поцеловал в щёку. Даша аж взвизгнула от счастья и тут же скрылась в недрах соколовской квартиры. И уже оттуда прокричала:

– Дядя Сева, я вам сегодня нравлюсь?

– Ты мне всегда нравишься, котик. Ты единственный оазис чистоты под этой загаженной крышей. Я всё заметил, не волнуйся. И новое платье, и бусы, и причёску волосок к волоску, как у английских леди из сериалов. Ты – прелесть, и я уже жду не дождусь, когда ты вырастешь и бросишь своих засранцев маму и папу. – Всеволод Алексеевич говорил негромко. Повышать голос не было необходимости. Маленькая Даша Соколова всегда очень ждала его. Всегда наряжалась, причёсывалась и украшалась. Выходила его поприветствовать. А затем – пряталась за ближайшим дверным косяком и млела от присутствия дяди Севы. Млела и подслушивала. Подслушивала – и млела.

Интерьер и обстановка Сениной квартиры потрясали воображение даже самых стойких, повидавших на своём веку немало эклектики. Дорогущая мебель в коридоре была вся изма-

зана пластилином и исцарапана. Обои – ох, лучше не вспоминать, сколько Семён Петрович отдавал за рулон, – размалёваны гуашью, акварелью, фломастерами, цветными карандашами и чем только можно и нельзя представить. Кожаный диван и кресла гостиной были истыканы, изорваны, ошельмованы, как будто не милые детки тут жили, а стая безумных котов. В детскую без дрожи могли бы зайти разве что бойцы войск специального назначения. Спальня Сени и Леси отдалённо напоминала помещение, приспособленное для проживания. Но ровно полчаса после того, как её убирала приходящая домработница. Детишки всё равно врывались в оазис родительского обитания, скакали по кровати, испоганив уже не один ортопедический матрас, качались на гардинах и поливали соком и газировкой клавиатуру родительского компьютера. Игрушки (а также скелеты игрушек, остовы игрушек и игрушечная крошка) ровным слоем усыпали все горизонтальные поверхности в квартире. Включая ту самую родительскую спальню и родительское же ложе. Детское тряпье висело даже на люстре.

Но если бы человек с хорошо развитым воображением мог представить себе, что в квартире семейства Соколовых пусть ненадолго, на каких-нибудь пять минут, наступил бы поря- док, то этот человек непременно бы вспомнил всё того же Гоголя:

«В доме его чего-нибудь вечно недоставало: в гостиной стояла прекрасная мебель, обтянутая щёгольской шёлковой материей, которая, вероятно, стоила весьма недёшево; но на два кресла её недоставало, и кресла стояли обтянуты просто рогожею... Вечеру подавался на стол очень щёгольской подсвечник из тёмной бронзы с тремя античными грациями, с перламутрным щёгольским щитом, и рядом с ним ставился какой-то просто медный инвалид, хромой, свернувшийся на сторону и весь в сале, хотя этого не замечал ни хозяин, ни хозяйка, ни слуги...»

Сегодня вечером по коридору плюс ко всему ещё и кружился лебяжий пух. И кажется, отец семейства Соколовых заметил это только сейчас. Поскольку на этот пух уставился его друг – чистюля, педант, любитель открытых пространств, законченных форм и гармонии.

– Перед твоим приходом Дарий с Дашей на подушках подрались! – коротко пояснил Сеня.

Всеволод Алексеевич в ответ только махнул рукой. И тут же заскочил в туалет, в который раз подивившись, как можно так изгадить дорожные сантехнику и плитку и почему у Семёна Петровича такое замурзанное зеркало, несмотря на регулярно, чуть не каждый день, приходящую домработницу.

Пожалуй, только на кухне ещё можно было относительно спокойно посидеть, не опасаясь, что из неожиданной точки пространства на тебя свалится флакончик шампуня, прихваченный из какого-нибудь пятизвёздочного отеля, или ребёнок. Хотя кухня тоже была территорией небезопасной для психики эстета. На столешнице из натурального дерева, сделанной на заказ, всегда была липкая лужа. Современный кухонный комбайн, ещё не так давно сверкавший никелем, стал похож на битого жизнью пропойцу-забуддыгу: тусклый, развалившийся на части, покоящийся среди завалов из почерневшей банановой кожуры, баночек из-под йогуртов и конфетных обёрток. Дорогие занавеси были грязными. Оконное стекло – запятнанным, некогда белоснежный холодильник – весь в прорехах из-под магнитиков. Там, откуда вездесущие детские ручонки срывали «цацу», привезённую мамой-папой из очередных заграниц, виднелись фрагментарно-белые поля среди серого налёта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.